

Вероника Мелан

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

АРИИД
Мое проклятие

Вероника Мелан
Арид. Моё проклятье

«Вероника Мелан»

2023

Мелан В.

Арид. Моё проклятье / В. Мелан — «Вероника Мелан», 2023

Дэйзи – фитнес-инструктор, мастер ножевого боя и специалист по парашютным прыжкам – никогда не хотела профессионально служить. И в «Квадрон», отряд специального назначения, устроилась лишь из-за высокой зарплаты. Между ней и освобождением от долга, который надлежит выплатить в течение трех месяцев, лишь одно задание: отыскать объект под номером «0301» и доставить его тело на базу. Что может быть проще? Однако, снайперы на связь не выходят, а объект «0301» оказывается бывшим командиром «Квадрона», готовым встретить гостью с распростертыми объятьями. И да, он отпустит ее живой, если она сможет выдержать его тесты. На быстроту, силу, выносливость и меткость. Ей бы не провалить только один – тест на собственные неуправляемые чувства. В книге присутствует нецензурная брань!

© Мелан В., 2023

© Вероника Мелан, 2023

Содержание

Глава 1. Силуэт у дома	5
Глава 2. Недруги	19
Глава 3. Если она вернется...	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вероника Мелан

Арид. Моё проклятье

Глава 1. Силуэт у дома

(UNSECRET feat. Katie Herzig – Buried)

Джейн

По ухабистой дороге мы пробирались вот уже третий час. Кем бы ни был «объект», он забрался далеко за город. Одиннадцать вечера; вокруг то поля, то леса, поселения сгнули во мгле и остались позади. По приборной панели «Тахо» не ползли отсветы от фонарей – фонарей здесь попросту не было.

За рулем Прерик – грузный и одутловатый, но сильный, несмотря на жирок, сержант. Он только к десяти снял солнечные очки, хотя сумерки погасли давно; в отряде поговаривали, что Кен Прерик видит в темноте. Мне так и не довелось узнать, правда это или нет. На водителе изогнутый наушник; в салоне до сих пор запах чесночных крекеров, пустой пакет от которых валялся позади.

– Долго еще?

Кен смерил меня беглым взглядом, едва заметно повел плечами.

– Минут тридцать.

«Тахо» качало на ухабах. Хорошо, что в последние дни не было дождей, иначе бы мы добрались только к утру. От нечего делать я в который раз просматривала на телефоне файл «подозреваемого». Подозреваемого в чем именно, в досье не говорилось. Не было ни фото, ни имени, только номер – «0301».

– Почему только номер? – что-то скребло меня, некое тревожное чувство. Я не могла ни отловить его, ни объяснить, ощущая, что сработала интуиция. И эта самая интуиция безмолвно говорила сейчас со мной, убеждая не двигаться туда, куда на второй передаче из-за ям тащился автомобиль. Но ведь с приказами не спорят, не в «Квадроне». К тому же командир обещал мне повышение. Если все пройдет хорошо.

– Нервничаешь, капрал?

Они, ребята из «Квадрона», давно отучились подкатывать ко мне, хотя многим хотелось. Как отучились и звать по имени, потому что Дэйзи – название цветка. А я не цветок, совсем нет. Для всех я капрал Джейн – и никак иначе. Многим пришлось это усвоить через кулаки, синяки и выбитые зубы. «Квадрон» – не для женщин, но мне нужны были деньги, потому что я совершила ошибку в прошлом, потому что была осуждена за непреднамеренное нанесение физического вреда здоровью, потому что на мне был долг в сто тысяч. Эти сто тысяч нужно выплатить за три месяца, иначе ссылка в карьер, и потому «Квадрон» для меня – выход из положения. Даже «стажерам», коим я пока являлась, здесь платили полтинник в месяц, а полтинник – это гораздо больше, чем может получить отличный фитнес-инструктор, охранник или даже телохранитель. Если все пройдет хорошо, если мы доберемся до места и заберем тело, меня повысят. Я отдам долг, покину отряд, где каждый день тебя черным крылом касается, пролетая рядом, смерть, устроюсь туда, где тепло, сухо и спокойно. Пусть даже за половину той суммы, которую получаю сейчас. Деньги – главное не всегда.

– Меня смущает, что у объекта нет имени. Только цифры.

– Наверное, имя нам знать не нужно. На той территории проживает лишь один человек, и, если его обозначили цифрами, значит, он мурак.

«За другими мы не ездим», – молчаливо продолжил мысль Прерик, и считать ее из воздуха не составило труда.

Я продолжала взирать на досье, которое вызывало во мне напряжение, но не давало никаких ответов.

– В чем он замешан? Что натворил?

– Какая тебе разница? Мы не задаем вопросов, Джейн... К тому же мы просто увозим тело и доставляем его на базу. Вся работа делают снайперы.

Да, я знала, что «Такун пять» и «Рихтер» уже на точках. Кстати, им давно следовало сообщить об успешно завершённом задании. Но рация молчала. Звук задняя задвижка в кузове; Кен хотел починить ее перед выездом, но не успел, теперь это звяканье стало единственным музыкальным сопровождением в нашей поездке. Скрипом, стальными когтями проезжавшимся по нервным клеткам.

– Не ерзи, скоро будем на месте.

Глухомань. Карты не выдавали в этой местности ни скопления строений, ни отдельных жилых домов. Тот, кто являлся нашей целью, по одному ему известной причине желал жить уединенно. Возможно, охотился в лесах, как отшельник, топил по вечерам печь, свеживал дичь, коротал минуты в тишине и скрывался от врагов.

Я в который раз подумала о том, что, если бы у меня был охранный амулет, некий кулон или браслет, я бы его надела. Черт его знает, в чем причина.

– Запроси снайперов. Им давно следовало выйти на связь.

– И то правда. – Водитель даже не стал спорить. – «Рихтер», «Такун», задача выполнена? Доложите, прием.

Тишина. Нет ответа.

На легкие дела сразу двух военных не отправляют, хватает одного. Тем более что в «Квадроне» снайперы такие, что сбивают муху за стеной дома крученым патроном. Преувеличение, конечно, но «Рихтер» и «Такун» – мастера. Объекту «0301» хватило бы и одного.

– «Рихтер»... «Такун»...

Собеседники на том конце будто оглохли. Ни шороха, ни слова, ни вздоха; давила мрачность чащи, по которой мы пробирались.

– Возможно, они мертвы...

– Сплюнь. – Прерик потел. Когда он начинал нервничать, то его форма воняла, несмотря на бесконечные стирки. – «Рихтер»... «Такун»... отзовитесь...

Попытался он еще раз, но я была уверена, что рация не оживет. А до места уже не более десяти минут, и нам следовало получить переориентировку.

– Запрашивай базу.

В иной раз Кен был огрызнулся, он был старше меня по званию и не любил приказы младших, собственно, их никто не любил, но в этот раз смолчал, переключил волну. Отчитался:

– База. Снайперы молчат. До точки три километра. Какими будут указания?

Наушник ответил так тихо, что я не разобрала, хотя вся превратилась в уши. Машина, пока Прерик слушал, притормозила, даже чихнула мотором, как уставшая лошадь, а после Кен отключил связь и цыкнул губами. Невесело, с душком тревоги.

– База тоже не может связаться со снайперами. Дело дурно.

– Поворачиваем назад?

– Нет, приказано брать своими силами. Задача та же: доставить тело в город.

Чернее, чем раньше, показался лес; большая птица, спугнутая рывком мотором, сорвалась с ветки и унеслась прочь. Моя интуиция, кажется, перешла на язык жестов и теперь отчаянно махала руками, силясь привлечь внимание. Я давно ее слышала, очень давно, но не поворачивать же назад, не сдаваться. Хотелось, будь он неладен, отдать долг и освободиться от гнета. Если получу сержанта, «стажер» останется в прошлом, выплата вырастет в полтора

раза. А там свобода и новая жизнь на горизонте – возможно, уеду на острова, стану преподавать йогу...

– Приготовься, – процедил Прерик, сжимая руль. – Через километр спешиваемся, дальше на своих двоих.

Я кивнула. И подумала: «Не полечь бы в этой ночи. Просто вернуться бы к утру домой».

– Не включай фонарь, он его заметит.

Прерик все-таки видел в темноте и приказал мне следовать за ним по пятам.

«Кто заметит? 0301?»

– Значит, ты знаешь о нем больше, чем говоришь?

– Есть одна догадка...

Следовать за кем-то в полной темноте, когда на небе ни звезд, ни луны, когда вокруг лишь непроницаемая тьма и по бокам стволы – задача относительно выполнимая. Следовать за кем-то в тех же условиях *бесшумно* – практически нет. С фонарем было бы проще.

– Кто он?

– Молчи.

Быть бдительным к передвижениям врага, когда ты пытаешься не вывихнуть собственные ноги, почти невозможно.

Кен шумно дышал, и это выручало. Сержант и сам время от времени наступал на мелкие сучки, и треск этот вел меня по пятам звуковой дорожкой, своеобразным указателем. В руках у меня сорок пятый калибр, у Прерика вертушка АК – оружие мы выбирали сами. И я никогда бы не положила на короткоствольный автомат с широким разлетом. Хотя, может, он прав, и разлет выручит, если ты слеп. Вот только полагаться в военном деле на удачу, а не на собственную сноровку глупо.

Я почти потеряла его из вида, когда Кен на заднице скатился в небольшой овраг. Он шумел, когда выбирался на той стороне, а после...

После я нагнала его уже на дороге, ведущей к дому.

(Tomme Profitt feat. XEАН – Wake Up)

Ворота были распахнуты – меня это напрягало. Распахнуты в полной темноте настужь. Лишь из-за ненадолго вынырнувшей луны я успела разглядеть очертания дома – он был большим. Не хижина и не хибара, как мне представлялось; тот, кто здесь существовал, навряд ли довольствовался старой проржавевшей печкой и узкой скамьей. Владельцу этого двухэтажного, судя по высоте крыши, «коттеджа» комфорта хватало.

Луна скрылась.

И в этот самый момент я практически ткнулась носом в спину Прерика. Застывшего, который почему-то не говорил и не двигался. Мне показалось, он увидел что-то, что его шокировало, но спросить об этом я не успела.

По периметру двора – будто кто-то щелкнул дистанционным переключателем – зажглись лампы.

В первую секунду при резкой смене освещения глаза всегда слепнут от света. По моим прожекторы почти ударили. Здесь по углам стояли, как мне показалось, именно они, стадионные галогенные фонари. Только через несколько секунд мне удалось увидеть, что перед домом, направив на нас оружие, стоит человек. Мужчина. А у его ног на земле... два тела. Наши снайперы, конечно, и оба мертвы.

Далее от шока и обостренного внимания, от резкого выброса адреналина в кровь – такое уже случалось в прошлом – все как в замедленной съемке. Мой взгляд переполз с чужих смер-

тельных ран на лицо сержанта, лицо, вытянувшееся от удивления. Возможно, Прерик ожидал увидеть именно того, кто стоял теперь напротив, возможно, нет, но нажать на курок он попытался сразу. Я даже увидела напрягшийся палец, почувствовала его задействованную в предплечье мышцу; сама начала вскидывать оружие, когда... Кен упал на землю с круглой дырой во лбу.

Шах и мат. Очень быстрый шах и мат. Без колебаний и без раздумий.

Когда ты военный, когда ты служишь, ты к этому привыкаешь – к смерти. К тому, что тот, кто сидел рядом с тобой в машине, ел крекеры и о чем-то говорил, может перестать существовать. За секунду. Был человек – нет человека. К этому привыкаешь и никогда не можешь привыкнуть. Это учит отстраняться и в то же время ценить моменты – голоса друзей, их улыбки, подколки, взгляды, даже их храп. Каждый день ты смотришь на товарищей, понимая, что завтрашний их состав может измениться. Кто-то поляжет так же, как это сделал Прерик. А до него «Рихтер» и «Такун».

– Опusti оружие.

На меня смотрело чужое дуло, и я медленно подчинилась; едва-едва начинали адаптироваться к яркому свету глаза. Говорят, когда ты на миллиметр от смерти, вся жизнь проносится перед глазами. Врут. И не совсем. Просто ощущение, что ты стоишь на одной-единственной оставшейся под ногами гнилой доске и что она вот-вот проломится. И, конечно, ты видишь все объемно – момент сейчас и то, что было до. Силишься выхватить памятью хорошее, важное, потому что только это хочется унести с собой.

Он высок, он силен; а у меня уже чувство парения – выскочит скамья из-под ног, когда у тебя петля на шее, или нет?

Я прикрыла глаза, чтобы уменьшить резь, а когда открыла глаза, сумела наконец разглядеть того, кто находился рядом с телами. Его... И едва не выругалась вслух, потому что меньше всего желала попасться в капкан именно к этому засранцу.

«Засранец» улыбнулся. Его взгляд странно теплый и очень холодный – взгляд гениального безумца и беспредельно спокойного человека. Взгляд убийцы, которому все равно, женщина напротив или мужчина. Для таких нет пола, нет условностей и смягчающих обстоятельств.

– Капрал Джейн... – Конечно, он прочитал то, что было выбито на моем бэйдже, о звании сообщили погоны. – Помнишь, что я сказал тебе в прошлый раз?

Я помнила.

Это случилось на первом моем задании в «Квадроне» месяц назад. Нас отправили не атаковать некую группу людей, но защищать. Спокойная «пати»-вечеринка, какие-то шишки; мы при оружии. Все шло мирно, общение между гостями ладилось, и вечер закончился бы удачно, если бы через окна и двери не вломился незнакомый мне малочисленный отряд, желающий истребить ключевых фигур встречи.

Я защищала и защищалась, как могла. Мы все защищали. Но проиграли и потеряли шестерых наших. Именно тогда я успела подстрелить одному из нападавших ногу, а второму – тому, который сейчас стоял напротив, – засадить нож в плечо. Наверное, он не ожидал подобного от девчонки в штатском и поэтому приблизился, к то же же свет подкачал (кто-то выбил лампочки), но его сжавшиеся на моей шее пальцы я запомнила отлично. И еще светлые глаза. Спокойные, абсолютно нечитаемые. Он сказал мне: «Если мы встретимся еще раз, ты умрешь». Вытащил нож из плеча, как досадную занозу, бросил на пол, меня отпихнул, как вторую досадную занозу. Махнул своим людям и был таков... Я смотрела на его уход с пола, упавшая.

И вот мы встретились опять.

– Я помню.

– Хорошо.

Очень неприятно стоять под прицелом, когда все вокруг тебя уже мертвы, когда ты последний. Конечно, я думала о том, чтобы выстрелить первой, думала тихо, неслышно, не выдавала себя ни движением, ни взглядом. А светлые глаза улыбались.

– Давай, – произнес низкий мужской голос, и мне почудилась в нем насмешка. – Сделай попытку – и умрешь, как сержант.

Я не хотела как сержант, я вообще не хотела умирать, никто не хочет.

Привыкли наконец к фонарям глаза. Если бы свет бил только в меня, я бы до сих пор созерцала лишь абрис чужой фигуры в контровом освещении. Но две лампы крепились у ворот, и это позволяло рассмотреть мужчину в военной форме. Он был отлично сложен, он был крепок, как дьявол, и натренирован, как лучший пехотинец. У лица жесткие и мягкие черты, которые больше путают оппонента, нежели настраивают на симпатию. Челюсть классическая, квадратная, нос не перебит, губы с флером улыбки. И арктический холод в глазах.

«Арид» – вот что я прочитала на чужом бэйдже. И окончательно замерзла, потому что поняла наконец, кто передо мной.

Арид. Это имя в «Квадроне» знали все, но никто не любил его произносить. Арид – бывший главнокомандующий. Псих, про него говорили... Неадекватный... Неудержимый... Неуправляемый. Чрезмерно сильный, непредсказуемый, непросчитываемый. Так вот чье тело мы должны были с Прериком доставить. Стало ясно, что проигрыш нам был обеспечен с момента поручения миссии – «зачем майор дал эту задачу мне?»

Говорили, Арид – предатель. Что он продался и продал отряд. Его ненавидел и желал убить каждый, такой трофей каждый счел бы максимальной удачей присвоить. Во мне, как и во многих, всколыхнулась ненависть – я не любила предателей. И дрогнула во второй раз, желая совершить быстрый и очень меткий выстрел, рука. *Уложить бы его сейчас, сообщить бы через наушник сержанта о победе...*

– Брось оружие, капрал.

Конечно, он уловил. Конечно, я бы не успела, и пуля промеж глаз мне была бы обеспечена.

– Арид, – произнесла я негромко, – я слышала о тебе...

– Что именно?

Мне пришлось положить на землю оружие, его глаза цепко за этим следили.

– Плохое.

– Надеюсь, очень много плохого.

– Тебя все ненавидят.

– Я рад. – В его тоне ни сожаления, ни грусти. Ничего. – Скидывай кобуру, Джейн.

Зачем? Зачем мне скидывать кобуру, если я схохну под этими фонарями? Бурлило внутри негодование – на майора, на судьбу, на то, что легко не получилось.

– Ты бывший... командующий. Настоящий.

Губы у Арида были красивыми. Я ненавидела красивые мужские губы, потому что они тянули к себе взгляд, они отвлекали.

– Для тебя настоящий. Привыкай так думать.

Кобуру пришлось отстегнуть, скинуть на землю.

– Они знают, где ты. Они придут за тобой.

– Я на это надеюсь. И буду их очень ждать. Всех.

С ним было что-то не так, с этим человеком. Я не понимала, что именно. Он ощущался адекватным, нисколько не безумным, и меня от него морозило. Он был катастрофически умен, вероятно, очень обижен и настолько же спокоен. Хотя слово «обижен» подошло бы больше сопляку, а не Ариду, который однажды «просто сделал выводы». Никто в отряде не знал его фамилию, только имя. И никто по показателям силы, ловкости и быстроты не мог с ним сравниться – так говорили... Ему было очень сложно смотреть в глаза, его взгляд заволаживал

и крошил, он лишал воли. И по-своему ласкал. Гиблое сочетание. Никогда ни один человек, а в жизни я встречала очень много сильных и тренированных людей, не казался мне столь опасным. Как спрессованные слои тротила – пока они лежат, их лучше не трогать. Потому что, если рванет, волосы погорят не только на твоей голове, но и в радиусе трехсот километров. Тот, кто находился передо мной, один мог вырезать селение, и я не знала, чего мне ждать. У меня впервые в жизни возникло ощущение овечки с поводком на шее. И поводок этот сейчас держала чужая рука – или на заклятие, или...

«Ты убьешь меня?» – следовало бы спросить, но я и так знала, что моя судьба вскоре прояснится. Потому что хранила молчание.

Арид ненавидел меня – я не покупалась на его странную насмешку в глазах и чуть изогнутые в улыбке губы. Быть может, он ненавидел женщин или женщин-солдат, возможно, питал отвращение ко всем служащим «Квадрона». Сейчас я была для него манекеном, мишенью, в которую следовало выстрелить «в десять».

А мне хотелось увидеть рассвет. Так просто, так примитивно.

– Проходи в дом, будь моим «гостем», – дуло пистолета качнулось.

Он оставляет меня в живых? Облегчение – и новая порция стресса. Все будет очень сложно, я чувствовала это задницей.

– Думаешь, за заложником они придут быстрее?

– И в более полном объеме.

Конечно, мы мыслили стратегически одинаково. Мой пистолет он подобрал, кобуру отопнул прочь, дождался, пока я дойду до крыльца. О телах, оставленных позади на дворе, я старалась не думать – о дырах в животах и между глаз... Гостей всегда пропускают вперед, но Арид перед самой дверью – я глазам своим не верила – обошел меня, отпер дверь...

Если существовал шанс для нападения, он был сейчас, когда противник стоял спиной. Я никогда не медлила, поэтому выживала, не думала дважды и не сомневалась. У него на поясе нож, я выхватываю его – и в шею...

Нож я выхватила. Но выронила, получив очень болезненный удар по руке после мгновенного разворота провожатого, после снова оказалась прижатой к стене. На шее удушающий захват.

– Я знал, что ты это сделаешь, Джейн, я надеялся на это, – кажется, Арид был рад, что ему не попала полудохлая фифа, что «рыбка трепыхается». – Люблю женщин с огоньком.

А в глазах ни микрона тепла.

Конечно, очередную попытку своего «убийства» он мне не простил. Я получила очень точный болезненный тычок пальцем сначала в ключицу, после под ухо – «точки сна», – и мир очень быстро погас.

Арид

(UNSECRET, Alaina Cross – Out Of My Cage)

«Отыщи мне всё про неё», – напечатал он на клавиатуре ноутбука, который держал на коленях. Отключенная мисс в форме мирно «почивала» у стены на матрасе, прикованная. Арид какое-то время не сводил с неё глаз.

С каких пор «Квадрон» начал принимать женщин?

Конечно, у него остался на базе свой человек, и, конечно, этот человек имел доступ к базе.

«По капралу Джейн?»

«Да»

«Всё?»

«До последней детали».

«Официальная база?»

«Пока да».

«Понял. Файл будет у тебя через десять минут».

Отлично. Мужчина в кресле медленно втянул воздух и выпустил его наружу, ощущая, как искрит внутри белая ярость. Именно так он её называл – белая. Медленная, потрескивающая, как заряженная электричеством катушка, терпеливая. То был очень опасный тип выжидающей злости, тление, дающее ему невероятное количество сил. И бесконечное желание действовать, выплеснуть наружу гнев, который Арид сдерживал уже третий месяц. Не сейчас, еще не все готово.

Он мог бы отыскать всех виновных поголовно в течение тридцати шести часов и вышибить им мозги, но хотел не этого. Смерть – это легко. Многие думают, что после неё начинается ад, но нет – ад начинается при жизни, если её правильно испортить. Все хитроумные ловушки в процессе. Для каждого из тех, кто был замешан, кто отдал тот приказ...

Командующий – это пешка. Высокопоставленная, но все же марионетка, вынужденная подчиняться воле тех, чьи лица в тени, кто «рукой Бога» выносит вердикты смертным, жить им или умереть. Арид всегда был ведущим «болтом» в отлаженном механизме «Квадрона» и действовал безупречно, пока приказы были, по его мнению, верными и справедливыми.

А три месяца назад его отправили якобы истреблять наркоторговцев. Предварительно подкупив солдат, пообещав каждому двойную премию, если сумеют аккуратно избавиться от слишком принципиального руководителя, взятки не берущего. Поначалу Арид верил, что едет исполнять миссию, призванную очистить общество от грязи, но неладное заметил еще в грузовике. По лицам сослуживцев, по их бегающим глазам, по тому, как они отворачивались, не выдерживая его прямой долгий взгляд. Честные люди так себя не ведут, это он усвоил давно, во время допросов и вне их.

К тому моменту, когда его в порту отвели за складские платформы, чтобы «сообщить важную информацию по делу», а после приставили к голове пистолет, он уже все понял, он был готов. Своих «укладывать» не хотел, не мог поверить в предательство, но когда в его фигуру направили автоматные очереди те, кого он считал друзьями...

Жаль. «Квадрон» в своей основной сути оказался благодаря гнилым верхушкам насквозь фальшивым. Сместить с должности человека, имеющего лучшие боевые показатели, невозможно официально. А майор Ларден очень хотел занять чужое место.

Арид ушел из порта живым.

Но изменился. Замкнулся в себе, как ядерное ядро, почти перестал говорить. И его перестала выносить Герда – зеленоглазая Герда, красавица, девушка притягательная, но опасливая и чуть истеричная. Она обожглась о проявившуюся в нем жесткость, не могла выбить из него ни причин нового настроения, ни повлиять на него. Через сутки она получила звонок от доброжелателя, сообщившего о том, что ее собираются похитить и пытать, ибо Арид опасен, и руководство желает повлиять на него. С Гердой случилась истерика, после шумный сбор чемоданов и полный слез уход.

Арид не простил. Не её. Но ни одного из тех, кто стоял в тени. Эти люди до сих пор время от времени пытались, пока он хитроумно закручивал узлы и гайки, избавиться от него. Тщетно. Теперь прислали... это...

«Капрал Джейн».

Кем в своей основе должна быть женщина, чтобы отправить себя на службу? Чем она должна быть ведома – желанием много получать? Попытками доказать, что она стреляет точнее мужчин? Бегает быстрее, подтягивается лучше? И как можно не осознавать, что каждый из них дважды после заката попытается добраться до твоей промежности и вложить туда свой член? Кем бы ни являлась Дэйзи Джейн, в голове ее вместо мозгов была комковатая шпатлевка.

Глядя на пленницу, Арид тлел и потрескивал, не испытывая ни единой теплой эмоции. Он уважал женщин за женственность, за умение быть другими, за внутреннюю мягкость. Герда не была идеальной, но она умела быть женственной.

«Успела ли Джейн стать подстилкой Лардену?» Если так, то он капрала не бережет, раз отправил сюда. Превратил в пушечное мясо.

Выжидая тех, кто придет следом, Арид собирался устроить капралу несколько экспресс-тестов – на выдержку, на выносливость, на терпение. На стрессоустойчивость во всех смыслах. Желает быть полноценной единицей, служащей среди мужчин? Пусть пройдет через его жернова и, быть может, многое в себе откроет.

Его белая ярость потрескивала и требовала выхода. Он вроде бы выгорел три месяца назад, но, как ни странно, потеряв практически всё, он стал собой. Больше не нужно было принуждать себя быть для кого-то хорошим и справедливым командиром, теперь можно было вообще не быть человеком. Арида это устраивало; разливалась внутри опасная для других, но притягательная для него самая свобода. Иногда ему вообще казалось, что все случившееся – к лучшему, оно, как по запросу, повернуло все так, что он, наконец, стал тем, кем действительно хотел быть. *Каким* хотел быть.

С Джейн он, возможно, поиграет. Заставит ее пройти босыми ногами по раскаленным углям в том случае, если она не попросит хозяина дома о милосердии. Не попросит так, что некая его часть откликнется. В любом случае «цветочку» придется постараться.

Том Фьордин, бывший военный, заходивший изредка и привозивший продукты, был прав: Ариду следовало выпустить гнев. Потому что гнев палил, потому что с таким количеством ненависти внутри сложно не быть деструктивным.

Проблема заключалась лишь в том, что Ариду нравилось это новое состояние, оно сжигало моральные границы и полностью развязывало руки.

Джейн

(Euphoria feat. Bolshiee – Be A Hero)

Дело было не в его мускулах – я видела достаточно мускулистых парней. Дело было в его взгляде – протяжном, тяжелом, заглядывавшем туда, куда его не желали пускать.

– Что ты делаешь в «Квадроне»?

Я проснулась, прикованная к трубе, трубе, вделанной в стену, и теперь сидела, похожая на фигурку «счастливого» кота, призванного махать лапой на удачу. И чувствовала себя как на экзамене.

– Служу, – процедила нехотя. Я терпеть не могла, когда меня «тестировали».

Арид напротив в кресле, на его коленях раскрытый ноутбук. Время за полночь; под моей пятой точкой ничем не покрытый матрас, ровный, чуть толще боевого мата.

– И хорошо служишь?

– По мере... возможностей.

Что-то в моем ответе бывшего главнокомандующего развеселило. Я же, глядя в насмешливые и холодные глаза, думала о том, что этот человек сумасшедший...или нет – скорее, вышедший за привычные грани. Освободившийся от чего-то и занявший наконец, как долго катающийся шарик, свое законное место во впадине. Арида не могли просчитать, потому что он не мыслил типично; некий ментальный взрыв снес в его голове барьеры, и, Создатель свидетель, экс-командир стал тем, кем хотел стать. При наличии тяжести в нем ощущались также легкость, азарт, подлинный интерес к происходящему. Псих или нет? Я даже ответить на этот вопрос не могла, лишь испытывала непривычный для себя микс чувств: страх, неуверенность, злость, тревогу.

Арид закурил. Расслабленно, с наслаждением затянулся – марка сигарет не была мне знакома. Я ожидала, что сейчас мне в нос привычно ударит резкий дым (солдаты часто, несмотря на запрет, курили в казарме), но ноздрей коснулся удивительно деликатный аромат дорогого табака, смешанного с оттенком коньяка, ... вишни? Удивив себя саму, я втянула воздух, чтобы получить больше «данных» – оттенков чего-то, для носа незнакомого. Резкости, несмотря на выпущенный вверх клуб дыма, так и не было.

– «Идальго», – пояснил тот, кто сидел в кресле, заметив мой интерес, назвал марку сигарет, а после принялся читать с ноутбука. – Итак... что же ты такое, капрал Джейн? Давай посмотрим.

«Что я такое?» – риторический вопрос. На него так же бесполезно отвечать, как и на вопрос о том, «кто я», – хоть кто-нибудь знает ответ?

– Какое-то время назад преподавала фитнес и йогу в спортзале – занятие вполне достойное для девочки.

Я терпеть не могла «оценки». Достоинно, недостойно. *Кто вы вообще такие, люди-придурки, чтобы за меня делать выводы?*

– ... профессионально занялась кроссфитом, выиграла по нему три соревнования. Отлично, но уже агрессивнее. Пробежала марафон на пятьдесят километров, пришла второй.

Он снова смотрел на меня, будто хотел что-то понять. Будто действительно интересовался мной как личностью, будто прочитанное им имело значение.

– Ты на всех заложников находишь досье?

– Почему нет? – простой ответ, короткий. Молчание. Чуть взлетевшие вверх брови: – А вот дальше уже интереснее. Школа боевых искусств, полученный диплом по борьбе, переход на линию джиу-катцо и кюдо. Тебя часто задирали?

Видит бог, мне хотелось надрать ему задницу. Я терпеть не могла, когда меня, мой характер и мое прошлое раскладывали на части и анализировали. Я никогда не была ни склочной, ни задирой, ни зазнайкой. Но и молчать не умела. Огрызалась, когда меня обижали, отвечала грубостью на грубость, язык за зубами предпочитала не держать. Довольно рано уяснила, что умение дать оппоненту в челюсть – залог собственного отличного настроения и душевного равновесия. Потому что не каждой девочке, когда ее дернули за косичку, хочется стоять и плакать. Иногда хочется догнать обидчика и больно напинать. Что с того?

Арида, кажется, веселил вид моих скрипнувших зубов. Ответа от меня он не дождался, продолжил читать.

– Далее получен диплом по стрельбе, пройден тест физической подготовки К32, военный кроссфит «Дельта», аттестат по парашютным прыжкам... – Пауза. – Тебе не везло с парнями?

Я надеялась, что мое лицо от возмущения не покрылось пятнами. Как ни странно, Арид случайно попал в «яблочко» – с парнями мне действительно не очень везло. Не то чтобы их не было, они были, вот только любовь увядала быстрее, чем мне того хотелось бы, – неверные слова, неверные поступки, разочарование, обида, злость. Стандартный коктейль неудачных отношений. Первый оказался трусом, не смог защитить, второй изменил, третий пытался качать права и грубил. Однажды получил в челюсть, попытался дать сдачи... в общем, неприятно вспоминать. Я давно заметила, что спорт и физическая активность помогают – снимают напряжение, позволяют переключиться, выпустить пар. Когда я расстраивалась, я снова и снова избавлялась от негативных эмоций в спортзале, в тире, на ринге. Кто-то от хандры ударяется в наркоту, кто-то – в еду или алкоголь. Моя зависимость была ничем не хуже, лучше – так я всегда считала. А уж когда пошли настоящие спарринги, стало ясно, что возможность набить кому-нибудь морду всегда поднимает мою упавшую планку самооценки. Так и понеслось. Друзей, к которым я могла бы захаживать со своими душещипательными историями, у меня не было, единственную имевшуюся подругу я потеряла, потому что именно ее парню случайно нанесла «тяжкие телесные». Все до сих пор было бы здорово, если бы однажды я

не пригласила её и Майка на вечеринку, где работала официанткой (и по совместительству телохранителем), если бы безымянный вор не попытался вытащить у одного именитого гостя бумажник. За воров я погнала, оттолкнула того, кто стоял на пути... Жаль, что этим кем-то был Майк, жаль, что он стоял у открытого окна, из которого и выпал со второго этажа, повредив ногу и спину. Некритично и несмертельно, но Дерика – моя подруга – обиделась чрезмерно. Она же подала иск, отыскала, как отправить жалобу Комиссии, та назначила суд. После – штраф в размере ста тысяч. Тяжело, обидно. И дело не в деньгах, которые надлежало выплатить, я бы и сама, по своей воле, хотела помочь Майку выздороветь. Собственно, он уже почти. Дерика в мою жизнь уже не вернется. Да и не нужно.

Внутри после этого инцидента стало привычно пусто. Собственно, я всю жизнь бежала от этой странной пустоты, но она, кажется, поселилась навечно. Уходила тогда, когда я двигалась или воевала, когда ощущала себя хоть сколько-нибудь нужной. Экс-командир намекнул на то, что у меня несладкий характер? Что ж, он не ошибся. Держать язык за зубами я научилась только к своим двадцати восьми годам. И то через раз.

Я не сразу заметила, что он следит за моим лицом, молчит, наблюдает. За сменой эмоций, реакций, за намеками и полунамеками, способными рассказать обо мне больше. Это хорошее качество для командующего – знать своих бойцов, их сильные и слабые стороны. Вот только я не его боец.

Он все еще пытался разложить меня «по полочкам», и это бесило. По моей внутренней шкале это было хуже, чем «дернуть за косички».

Докуренная сигарета отправилась в пепельницу; взгляд светлых глаз опять смотрел в экран.

– Сертификат «Нао-Джи», тест «БР-3», диплом по метанию боевых ножей. А после, я глазам своим не верю, ... военная школа разведки и тактики «Омрон»? Джейн, тебя вообще не трахали?

Эта фраза мгновенно и очень туго свернула все мои внутренние узлы. *Я убью этого подонка. Я доберусь до его спины или шеи и всажу туда нож по самую рукоять. Я буду «пинать его жопу» так долго, пока моя собственная нога не устанет. Козел.*

Наверное, он видел мои эмоции по моим глазам.

– В досье не написано, кто меня трахал и сколько раз? – меня нельзя ударять безответно. Даже на словах.

– Увы.

– Может, сам хочешь проверить?

– Я очень избирателен.

Это была война, он только что объявил её между нами. Пришла моя пора метать ядовитые дротики в цель, и это я умела отменно.

– А ты, бывший командир, почему сидишь здесь, в глуши? Скрываешься от тех, кого предал? Вяло отстреливаешься, в то время как за тобой тянется «хвост с душком». Может, ты просто постарел, помягчел?

Теперь война была объявлена обоюдно. Взгляд Арида стал зеркальным, и он мне не нравился, этот взгляд. Я порами кожи ощутила, как потрескивает между нами воздух, как налилась темным свинцом чужая аура.

– Хочешь проверить, насколько я «помягчел»? Я предоставлю тебе эту возможность.

«Грязноротая дура» – этого он не добавил, но ошибиться, читая посылы пространства, было невозможно. Мужчина, сидевший в кресле, давно испытывал злость, и сейчас я наступила на мину. Бомба еще не рванула, но начали обратный отсчет красные цифры на табло. Арид отложил ноутбук; я знала, что брошенные ему в лицо слова он мне не простит.

«Лучше бы ты заткнулась, Дэйзи...» *Почему я никогда не умела делать этого вовремя?* Только отступить поздно, да и не особенно хотелось. Я всю жизнь дралась за свои честь и досто-

инство, собиралась их отстаивать и теперь. Не будет какой-то мудака, пусть даже этот мудака – бывший командующий «Квадроном», судить меня.

– Давай, будь добр.

«Уймись, Дэйзи... Ради твоего же блага», – вечно беспомощный внутренний голос, на который я ни разу не обратила внимания.

– Любишь, когда тебя ломают?

– И не такие пробовали.

Я всю жизнь защищала внутреннюю скорлупу, никому не позволяла на нее наступать ни грязными, ни чистыми ботинками.

– Такие, как я, не пробовали.

Мне даже послышалось сожаление в его тоне. Сожаление за будущую меня, размазанную и распластанную, лежащую с хрустнувшим позвоночником.

«Мы еще посмотрим, кто кого» – не стоит мужланам недооценивать женщин. Женщины иногда коварны и всегда мстительны.

Арид тем временем подался вперед. Взгляд его глаз светлый, почти доброжелательный, вот только я не покупалась на ложные послы, я читала людей между строк. И этот не «помягчел», нет. Собственно, старым он не был тоже, мужчина зрелый, в самом расцвете сил. Я вдруг подумала о том, что мне пришлось бы скверно, будь он действующим командиром, когда я явилась записываться в отряд. Сложно, потому что он отшил бы меня, я была в этом уверена (шовинист гребаный), сложно, потому что он красив, потому что он действительно умеет смотреть в душу. И его никогда и ни за что в душу пускать нельзя, потому что тогда треснет не только скорлупа, но и самая сердцевина. Удивительный вывод, учитывая, что пускать в собственное нутро я этого уroda собиралась в последнюю очередь.

– Хочешь, я тебе расскажу, что будет дальше?

– Умеешь рассказывать сказки?

Его очень тщательно контролируемая ярость давила меня к матрасу.

– В данном случае невеселые сказки.

– Начинай.

Лицо Арида близко – теперь он сидел передо мной на корточках, как друг, как товарищ. И даже смотрел почти тепло, только тепло это отморозило бы мне ладони.

– Я сделаю для тебя исключение, капрал Джейн, и дам тебе шанс... Шанс уйти отсюда попростому, но ты им не воспользуешься. Пожалеешь об этом почти сразу, попросишь о втором, но его не будет, это я тебе гарантирую.

– Как занимательно, – процедила я сквозь зубы. Хочет увидеть на моем лице страх? Не увидит. – Что дальше?

– Дальше я устрою тебе тесты на выносливость. На выдержку, на силу, на болевой порог. И ты взвоешь.

– С чего ты решил, что сможешь вовлечь меня в них? Силком будешь тащить на полигон?

– О нет, – светлоглазый командир улыбался, – я дам тебе кнут и пряник. Хороший пряник, и ты пойдешь сама. Вот только пройти ни один из них не сможешь.

– Обожаю самоуверенных идиотов. – Чем острее был мой язык, тем ласковее становилась его улыбка, не затрагивающая, впрочем, глаза. – А если я их пройду?

– Пройдешь хоть один – уйдешь домой. Целая и невредимая. Я даже поклонюсь тебе в пояс...

Что-то не нравилось мне в том, что он рассказывал. Ощущение, как будто я в будке предсказателя, и этот предсказатель – кукла-клоун со стеклянными глазами. Игрушка, ей бы не верить. Вот только каждое слово – правда... Пророчество. Не хотелось погружаться в эту ассоциацию, однако тревожно дергалась интуиция.

– Но ты не сможешь, цветочек.

– Я тебе... не... цветочек. – Будь у меня сейчас свободны обе руки, наверное, я бы попыталась его удушить.

– Хочешь меня убить?

– Хочу.

Я даже врать не стала.

– Я буду предоставлять тебе такую возможность каждый день. Но каждая проигрышная попытка будет сопровождаться болезненным наказанием. Как видишь, я справедлив.

Очень хотелось усмехнуться, а еще лучше – плюнуть ему в лицо. Вот только плевков обернется для меня ударом в лицо – непонятно, откуда я это знала.

– Так что там дальше в «нашей сказке»?

– Из меня хороший рассказчик? – его улыбка умела усыплять бдительность. Смена его настроений с тяжелого на легкое сбивала с толку. Все-таки он или псих, или отменный манипулятор. Возможно, он – сразу оба. – Дальше ты взвоешь от тяжести испытаний, устанешь от боли...

«Ой ли. Моя злость тоже уже кипела вовсю.

– А сам ты бы смог их пройти?

– Да. Все.

– Значит, и у меня есть шанс.

– Конечно. Но ты будешь проваливать одно за другим, не будешь достигать победы, даже приближаясь к ней. Выдохнешься. После предложишь мне себя.

– Никогда. – Сейчас я была гневливее анаконды, хотя голос мой был спокоен. – Никогда я не предложу тебе себя. Для меня любой труп привлекательнее тебя.

Во мне говорила ненависть. Сколько себя помнила, я терпеть не могла самоуверенных и самовлюбленных самцов, и неважно, насколько они мужественны и красивы.

Арид даже не разозлился, лишь едва заметно покачал головой.

– Не зарекайся. Это может легко измениться.

Он сидел слишком близко, и взгляд его в самую душу. Я впервые поймала себя на мысли, что рядом с ним не чувствую себя «капралом Джейн», но ощущаю себя обычной девчонкой. Совсем как когда-то. Давно, очень давно никто не мог разбудить во мне это чувство, и я с омерзением запахнула его туда же, откуда оно вылезло.

– Проедем эту твою несбыточную мечту. Дальше что?

Он продолжал смотреть. Его взгляд был спокоен и нагл, его взгляд уже знал, что пробрался туда, куда других не пускали. Но гости на то и гости, чтобы их выпинывать за порог. Пришел не значит остался.

– Дальше ты начнешь просить меня о милосердии. О том, чтобы я просто отпустил тебя домой.

– И?

– И если за то время, что ты проведешь в этом доме, ты переосмыслишь нечто важное и чему-то научишься, я подумаю.

– О доброте?

– О ней.

– Какая щедрость.

Я давно не испытывала столько кислотных чувств одновременно. То есть этот дядь думает, что я после его издевательств должна еще и поумнеть? Уровень моего «айкью» он забыл посмотреть в досье?

– А дальше?

– А дальше – думаю, этот вариант очень вероятен – ты умрешь. Потому что ничего не переосмылишь.

Теперь какое-то время молчала я. В сказанном не ощущалось, что Арид собирается порешить меня своими руками, скорее, это сделает нечто косвенное. Очередное хитро обставленное испытание?

– Грустная какая-то сказка.

– Я предупреждал.

Так близко не сидят враги. Так близко может сидеть с тобой тот, кто хочет коснуться лица рукой, отвести от щеки прядь волос. Но Арид моей щеки не касался. Вместо этого он поднялся, застыл передо мной колоссом, опять неприступным, чуть снисходительным и ледяным. Оповестил.

– Начнем воплощать историю в жизнь сейчас?

Нехорошее предчувствие; тревога усилилась.

Экс-командир уселся в кресло, положил руки на подлокотники – как король, как очень уверенный в себе монарх. И лед в его глазах в очередной раз обжег.

– Ты можешь просто извиниться, капрал Джейн. За вторжение, за собственную слабость, потому что отказалась проходить испытания. Я сочту тебя трусом, но отпущу. Считаю до десяти.

Я аж звякнула цепью от наручника.

– Один... Два...

Он считал неспешно. Но и не слишком медленно.

«Извинись, Джейн! Скажи ему что угодно...»

Вот только некстати вспомнилась фраза: «Тебя никто не трахал?» Черт бы подрал эту злостью, она никогда быстро не уходила.

– Три... Четыре...

«Я сочту тебя трусом...» А я трус? Он отпустит... И я пойду, повесив голову, до машины Прерика? Вернусь на базу, сообщу об убитых, выдержу косые взгляды сослуживцев. Вслух они не осудят, нет...

– Пять... Шесть...

Сука, но правда в том, что я хочу доказать этому мужлану собственную полноценность. Более того, я хочу свернуть ему шею, я хочу вернуться домой с трофеем в виде бейджа с его груди. Я хочу выиграть эту битву!

– Восемь...

Арид даже замедлился, чтобы не считать слишком быстро. Выдержал долгую паузу перед следующим словом.

– Девять.

Мы смотрели с ним друг на друга: я – растерянно, настороженно и ожесточенно, а он – с привычной насмешкой. «Беги, Джейн, беги... Ты девочка, ты ничего не умеешь. Просто спасай свою тощую шкуру, тонкие ноги, слабые руки...» И меня вдруг так мотнуло яростью, что я поняла: не побегу. Что костями лягу, но мы еще посмотрим, кто кого. Это уже дело кровной мести.

– Десять, – прозвучало безэмоционально. Прозвучало штампом в бумаге: «В помиловании отказано».

Наверное, я только теперь поняла, что совершила ошибку.

Черт, я могла уйти... Я могла прямо сейчас слушать, как отстегивается наручник, подниматься с этого матраса, зашагать к выходу. Понурая или какая угодно, но свободная и живая. Чертовы эмоции, почему они берут верх так невовремя?

– Послушай, ладно, я была неправа... Извини!

– Поздно, – он произнес это очень ровно, – время действия бонусного предложения истекло. Я предупреждал тебя, что дам шанс и что ты не используешь его. Так? Помнишь, о чем я предупредил дальше?

– Что не дашь второго.

– Похвально, что у тебя хорошая память, цветочек.

Он был холоден, он был неприступен, он был как монолит.

– Черт... Я опоздала всего лишь на секунду! – цепь от наручника дернулась сильнее, зазвучала зло. Запястье обожгло болью. – И я тебе не цветочек!

Арид просто поднялся и зашагал к выходу, погасил в комнате свет.

– Спи. Набирайся сил.

Спать сидя? Интересно, наручник позволит принять лежачее положение? С этой цепочкой я чувствовала себя рабом, чувствовала себя униженной, склоненной перед чужими сапогами. Гадкое чувство, рвущее на части. И опять добела раскалилась ярость.

– Не боишься, – процедила вслед спине, – что я доберусь до тебя?

Арид развернулся, даже облокотился на косяк, помолчал. А после легко обронил не то с насмешкой, не то с почти незаметной ноткой печали.

– Доберись.

Он уже ушел, а я все сидела, запутанная, растерянная, обиженная на себя. И задумчивая. Почему мне показалось, что в слове «доберись» прозвучал некий двойной смысл? Доберись... Он этого хотел? Чтобы я добралась до его души, до его человечности, до его тела? Да к черту, что мне там показалось. Завтра с утра я начну, как обычно, расхлебывать последствия из-за слишком длинного языка.

Лежачее положение принять все-таки удалось; в доме темно, тихо. Засыпая, я не могла понять, правильно ли я сделала, что не ушла. Никакого ответа, никакого однозначного вывода. Если я действительно взвою от боли испытаний, тогда неправильно. Если доберусь до чужой глотки, тогда все идет просто отлично. В одном я была уверена наверняка: бывший командир «Квадрона» умеет разбудить во мне вулкан эмоций. Однозначно.

Глава 2. Недруги

(Skycabin – Nerve)

Пахло кофе. Когда я проснулась, мужчина за столом, державший чашку, рассматривал меня. Кажется, он уже позавтракал, в то время как я неуклюже пыталась принять сидячее положение. Спать прикованной дерьмово. На одном боку почти нормально, но для того, чтобы развернуться, приходилось уползать по матрасу вверх и сгибать руку в локте за спиной. Поза раба. В сон я провалилась, конечно, поздно, иначе глаза открыла бы, как обычно, с рассветом.

На Ариде военный темно-зеленый бадлон – вещь практичная и удобная. Он похож на облегающую водолазку из влагоотводящей ткани, фигуру обтягивает как вторая кожа. Рукавов не имеет, на теле не ощущается, септирует пот. Но залипла я, рассматривая не облегающее одеяние, а открытые бицепсы, удивительно рельефные, мощные и красивые. Черт, я много бицепсов видела за свою жизнь – в спортзалах, на тренировках, в армии, но эти... Когда за столом в расслабленной позе сидит сильный и красивый мужчина, можно случайно забыть, что он тебе враг. Пришлось мысленным пинком вернуть рассудок на место.

«Сегодня начинается ад».

Тот, кто этот «ад» олицетворял, сделал военный и насмешливый приветственный жест рукой. Поздоровался коротко:

– Капрал? – мол, «с добрым утром, здравия желаю».

Что ж, кто сказал, что враги не могут друг с другом шутить. В большой и сложной игре можно все, и потому я совершила ответный жест, бросив:

– Майор?

Выдала наугад. На шее Арида до сих пор цепочка с жетоном, который он не сдал, покинув должность и отряд. Накануне как раз размышляла о том, в каком звании находился бывший командующий, дезертировав. Сам жетон под тканью, к тому же отсюда гравировку было бы все равно не разобрать. Интересно, угадала или нет?

– Низко берешь... – насмешливо отозвались из-за стола.

«Быть не может».

– ... генерал-майор.

Я слотнула. Это очень высоко, это очень-очень высоко. Уйти из «Квадрона», обладая подобными полномочиями? Немыслимо. Генерал-майор для солдат – почти бог. Для некоторых не почти.

– Упс. Генерал-майор, – поправились я лжесмиренно.

Он был все тем же. С прохладцей в глубоком взгляде (я бы сказала, в очень глубоком и сейчас чуть задумчивом взгляде), с чуть изогнутыми улыбкой красивыми губами. И этой нечитаемой, но осязаемой, как давящий тебя к стене пресс, аурой. Что ж, придется научиться против нее стоять.

Кофе все-таки пах хорошо; к тому же меня смущал чужой совершенно незастенчивый взгляд. Он опять против моей воли лез куда-то в душу.

– В этом доме пленников кормят? Поят кофе, пускают в душ и туалет?

Арид пожал плечами, конечно же замечая, что я стараюсь не рассматривать его плечи, запястья, накачанную грудь под бадлоном. Не залипать на выпуклой вене на шее. Есть такие мужчины – рельефные. С маленьким процентом подкожного жира, мускулистые, очень привлекательные для женских глаз. С этими самыми агрессивными выступающими венами на руках, шее и кое-где еще... Хорошо, что мои мысли прервал чужой ответ.

– Зависит от пленника.

«Интересно, пленники – частое явление в этом доме?» Мне отчего-то казалось, что нет.

– И все-таки?

Хозяин дома пил кофе и молчал, размышлял. Я стоически выдерживала взгляд светлых глаз, хотя это было сложно. В них мне мерещилась ледяная стена, насмешка, глубокий колодец, бетонные препятствия, разрушающий кластер. И теплый солнечный луч. Совершенно нелогичное, запутывающее сочетание.

– Учитывая то, сколько калорий ты сегодня потратишь, думаю, накормить тебя надо.

Оказывается, за меня все уже просчитали: и энерготраты, и нагрузки. Майор – мне мысленно называть его «майором» было гораздо короче – отставил чашку, поднялся из-за стола и приблизился к моему матрасу. Опустился, как вчера, передо мной на корточки, и я, хоть и сидела у стены, не смогла не почувствовать запах лосьона для бритья. Запах мужского тела после душа, отголосок шампуня «морской бриз».

– Давай на время завтрака заключим пакт о ненападении, капрал. – Арид сделал еще один жест, использовавшийся только в «Квадроне», – жест клятвы. «Вилку» из указательного и среднего пальца, на которую, поклявшись в ответ, ты должен положить свою. Получалась такая «клетка» для обещания, запертого стенами. Нерушимый обет.

Я не желала заключать этот пакт. Если представится возможность напасть, нужно ее использовать. Я не первый месяц в «структурах» и с рождения обладаю стратегическим мышлением; нельзя просто потому, что кто-то подошел и попросил тебя об этом, тут же кивать и упускать шансы победить.

Конечно, он читал мои нехитрые мысли, он их чувствовал. И потому насмешка сделалась прохладней.

– Я не хочу ломать тебе ребро. А я это сделаю, если ты нападешь, Джейн. Проблема в том, что со сломанным ребром шансы пройти испытания сокращаются примерно на пятьдесят процентов, а я хочу, чтобы все было честно. С полным запасом твоих сил. Итак, да или нет?

«Или выезжаю на тесты голодная?» Голод в течение первых суток не такая уж и проблема, к тому же, поклявшись, я могу и соврать. Вот только в «Квадроне» на «вилке» не врут. Если же такое случается, сохранившийся остаток жизни считают гнилью и житья не дают. Мне хотелось есть, хотелось, чтобы моим митохондриям сегодня было что жечь. К тому же завтрак – это только двадцать минут, будут и другие шансы. Следовало, однако, пользуясь случаем, прояснить кое-что еще.

– Ты обещаешь также, что отпустишь меня домой сразу, как только я пройду любое испытание? Живую и здоровую.

– Обещаю. – Он даже не размышлял. – Я держу слово, капрал.

Я вдохнула, выдохнула.

И положила свою «вилку» на его, образовав «тюрьму». Запомнила, правда, не торжественность момента, а наш зрительный при этом контакт. Очень глубокий, очень многослойный. И тепло мужских пальцев.

– Овсянка?

Обычная пакетированная овсянка, залитая кипятком? Правда, двойная порция. Без масла, добавок. И без круассанов к кофе.

За столом я сидела, вернувшись из ванной, где для меня нашлась одноразовая зубная щетка в целлофановой упаковке и даже мелкий новый тюбик с пастой. Умывшаяся, справившая нужду и даже чуть освежившаяся после отвратительного по качеству сна.

Арид склонился над моим плечом, я ощутила касание его щеки волосами. И просил мягко:

– Ты ведь не захотела быть девочкой, о которой заботятся, ты захотела быть солдатом. Поэтому тебе не привыкать.

И положил рядом джем – пластиковую коробочку чуть меньше коробка спичек. И на том спасибо. Я нехотя читала его «позывы», его мужские импульсы, его двойные смыслы. Все эти нарушения личных границ, случайные касания – он пытался меня соблазнить? Уменьшить мой агрессивный настрой, заставить взглянуть на него как на мужчину, запутать? Просто играл? Вдвойне опасен враг, которого ты не можешь понять, и я злилась на себя, потому что на «импульсы» реагировала. На близость его тела, на аромат его кожи, свежей одежды, на то, что его рука, положив джем, задержалась рядом чуть дольше, чем ей было положено.

«Джейн, не ловись на это!»

Легко сказать. На Арида, какие бы правила он ни пытался установить, реагировало мое тело – вдвойне обидно. Потому что, сколько я ни пыталась заинтересовать себя хоть одним из квадроциклов, у меня ничего, независимо от мужской внешности, не выходило. Даже нынешний майор Ларден, многократно намекавший на то, что не прочь увидеть меня у себя в кабинете «после работы», не вызвал моего интереса. Хотя перед ним, преследуя очевидную выгоду, следовало бы раздвинуть ноги. Только я не раздвинула, из-за чего окончательно снискала славу не то лесбиянки, не то фригидной стервы.

– У тебя десять минут, капрал. После выезжаем на полигон.

Пришлось поспешить. Добавить джем в горячую овсянку, начать дуть на ложку. Никогда не любила обожженное небо. К тому же следовало успеть выпить кофе.

2.1

(Future Royalty – Tear It All Down)

Девять утра; светило солнце. Двор подметен, у ворот уже ждет внедорожник. Сойдя с крыльца, я еще раз осмотрела дом – добротный, из темного дерева и каменных вставок, с балконом на втором. Лампы на заборе действительно оказались мощными, но в свете дня, молчашие, не показались, как ночью, прожекторами. Колючая проволока, скорее всего, всегда под напряжением, правда, сейчас контур разомкнут.

Двор подметен...

«Он подметал его ночью? Избавлялся от тел?» А выглядел вполне отдохнувшим.

Если бы не врожденная внимательность, я бы не сумела разглядеть бурые пятна в том месте, где лежал сержант. Но пятна крови, хоть и были занесены пылью и песком, разглядеть было можно. Они напомнили мне о серьезности происходящего. Рядом со мной не какой-то там «Арид» – рядом со мной зверь, который накануне недрогнувшей рукой остановил пульс двум снайперам, а после, не колеблясь, выстрелил в лоб Прерику. Ни переговоров, ни попыток перемирия.

Сделав пару шагов вперед, я застыла снова. Слабо и едва различимо накатила дурнота. Она редко меня посещала, но этот контраст солнечного дня, густого ароматного леса вокруг, выпитый недавно кофе... и воспоминания о телах сослуживцев. Будет непросто, и мне нельзя терять бдительность.

А Арид, вернувшийся от автомобиля и вставший напротив, свеж, спокоен, выбрит. Почти улыбчив, если бы не глаза, если бы не постоянное ощущение его напряженной, мощной и очень терпеливой энергии.

– Ты оставил меня в живых... – Я сама не знала, что именно хочу сказать.

Ему шел темно-зеленый цвет; в джинсах и этом боди без рукавов он смотрелся брутальным лицом журнала «Уэн».

– Пока оставил.

– Почему?

Я не всегда могла смотреть ему в глаза. Иногда его взгляд, как сейчас, накалывал меня, как бабочку, на тупую булавку. Не трепыхнуться.

– Претензии, капрал?

Я помолчала, прочистила горло.

– Никаких претензий, генерал-майор.

Ему это нравилось, нравилась моя покорность, пусть даже напускная. Даже будучи ненастоящей, она вершила то, что должна была, – прокладывала между нами невидимую границу, заставляла меня ощущать иерархию. Его – сверху, себя – на коленях, смотрящей в землю.

– В машину, – скомандовали коротко.

* * *

(Tomme Profitt feat. Quivr – Shoot To Kill)

Этот внедорожник мог проехать по любым ямам: высокая посадка, выпуклый рельеф на шинах. Все ведущие колеса, конечно же. Я пристегнулась сразу, как села; и поплыл мимо лес. Он удивительно прозрачно пах, этот лес – чисто, насыщенно, даже звонко, хотя этим словом никогда не описывают запах. Мирно вились в лучах солнца над соцветиями насекомые, в отдалении долбил ствол дятел – звук этот разносился далеко по округе. Низким басом рокотал мотор. Я, стараясь не коситься, незаметно рассматривала кожаный браслет на правом запястье водителя. Тройной, обвивающий кожу, как ошейник, – Ариду шло.

Утро свежее, утро удивительно нежное, а мысли невеселые.

Для чего на это задание отправил меня Ларден? Ведь знал боевую мощь противника, понимал, что велики риски «слечь». И если Прерик догадывался, кто был целью, то майор знал об этом наверняка. Мстил мне за несговорчивость? Или же играл в неясные пока моей логике игры, предполагая, что Арид, каким бы зверем тот ни был, женщину сразу уничтожить не станет? И во что, собственно, теперь играл тот, кто сидел рядом? Сплошные загадки, неясные тактические многоходовки, неприятные ребусы.

И хорошо бы, мелькнула острая, как край ножа, мысль, все-таки уложить противника, вернуться к «Тахо» и отбыть обратно на базу. Идеальный вариант. Арид, конечно, по-хамелеонски красив и притягателен, но я не собиралась позволять чьей-то внешности вмешиваться в глас рассудка.

«Он не пристегнулся». Сделав вид, что рассматриваю природу по обочинам, я отметила, что пряжка ремня безопасности болтается у верхней втулки. *Получится? Или не получится?*

На меня коротко взглянули – в глазах холодная улыбка. Мол, чем обязан твоему вниманию? Конечно же, я чуть задержалась, глядя на удивительно красивый профиль.

– Любуюсь, – отозвалась сдержанно.

– Нет, – Арид был устойчив в своих доводах, как бетонный постамент фонарного столба, – ты смотришь на мой ремень безопасности. И думаешь о том, чтобы резко на очередном повороте крутануть в сторону руль. Ждешь, когда я ускорюсь, чтобы наверняка.

С ним рядом я однозначно познала глубокий смысл слова «досада». Он читал мысли? Так или иначе, он оказался прав, я поджала губы.

– Джейн, тебя плохо учили в академии? – ощущение, как будто ты мишень, и в тебя летят тонкие стальные дротики чужих слов. – Вывернутый руль и перевернутый автомобиль – не гарантия поверженного врага. К тому же ты сама имеешь шансы травмироваться, нет? Осколки лобового стекла; ландшафт неровный, поваленные стволы, ветки...

«Все это может случайно оказаться в твоём горле».

Мне хотелось его удушить. Никогда не любила нравоучения.

– К тому же если ты меня не добьешь, раненый и злой я очень опасен. Чрезвычайно.

Почему-то я в этом не сомневалась.

– Так что, мне ускориться? – этот гад посмотрел на меня с насмешкой. – Попробуешь воплотить в жизнь свой хлипкий сценарий?

Он действительно был неуправляем. Он ощущался мне человеком, которого ничто не держало, который играл ради самой игры, который был готов рисковать ради азарта. Секунда, и он действительно даванет на педаль газа, а после собственноручно вывернет руль, чтобы мы посмотрели, кому из нас воткнется в горло ветка. Боковые окна-то открыты...

– Нет, – процедила я зло.

Сбоку усмехнулись. Мол, «ссыкло ты, цветочек».

Псих. Именно этим словом мне хотелось его припечатать. Настоящий психопат, неадекват, безумец гребаный. Даром, что красивый до невозможности и мужественный настолько, что логика, дай ей волю, давно бы закапала все слюнями. Представься мне реальная возможность его убить, стала бы я об этом жалеть? Если только задним числом – все-таки феноменальная, по моим внутренним меркам, внешность. Но опасность нахождения рядом с таким мужчиной выше любого притяжения.

К тому же я заметила кое-что еще – кобуру от ножа вдоль шва штанины. Как раз возле моей руки. Одна на поясе, да, вторая, запасная, рядом со мной, и длина лезвия достаточная, чтобы пропороть бедренную артерию. Если хватит времени на еще два удара, то один будет в шею, другой в сердце. Пусть только водитель отвернется... Хоть на секунду, чтобы не сработало отточенное замечать малейшие движения боковое зрение.

«Что-нибудь, – просила я мысленно невидимого Создателя, – пусть его отвлечет хоть что-нибудь».

Это случилось почти минутой позже – Арид посмотрел вбок. Налетел порыв, кроны заволновались, зашумели, сорвалась с одной верхушки крупная сухая ветка, полетела вниз.

В этот момент, не медля ни секунды, я выхватила нож.

Обычный человек, не служивший в армии, не имеющий нужды убивать, не знает о том, сколько сил требуется на то, чтобы решиться. Именно *решиться*. Собрать волю в кулак, сжаться до одного-единственного фокуса – «убить», а после начать действовать. Именно этот рубеж способен пройти далеко не каждый. Выхватив чужое оружие, я *решилась*. Знала, что вгоню его всюду, куда только смогу, что очнусь только тогда, когда бить поверженного врага не останется сил, «проснусь». И нахлынет усталость от перевозбуждения и перенапряжения, будет шуметь в ушах кортизол и адреналин – смесь для выживания.

И я бы ударила.

Вот только рукоять от ножа осталась рукоятью, лезвие отсутствовало. Оно было не то обломлено, не то спилено, и меня будто ударили под дых, сам факт отсутствия лезвия меня в прямом смысле оглушил. И я сидела, глядя на собственные пальцы, сжавшие обрубок, безо всякого понимания, что теперь предпринять.

А Арид смеялся. Я впервые видела его широкую белозубую улыбку – настолько же веселую и идеальную, насколько режущую без ножа.

– Я знал, Джейн, что ты это сделаешь. Как же иначе... Думаешь, я идиот?

Мне хотелось рычать от бессилия, рвать свои или чужие волосы, но я лишь разжала ладонь, и бесполезная ручка выпала вниз, куда-то на коврик.

Машина тем временем плавно затормозила.

Он все еще улыбался, когда выключил мотор, когда положил локоть на руль, когда покачал головой.

– Никто еще не держал меня за большего идиота, чем ты, капрал. Ты правда думала, что я бы это допустил?

«Сделал возможной твою дурацкую попытку убить меня моим же оружием?»

Конечно нет. О чем я думала? О том, что нужно использовать любую возможность, как же иначе? А этот хищник смеялся надо мной, просчитывая каждый мой шаг наперед, кажется, он мысленно себе аплодировал, когда пешка на карте двигалась именно в ту клетку, которую он для нее загадал. Моя ненависть к соседу росла в геометрической прогрессии.

Я взглянула на Арида как раз тогда, когда улыбка в его глазах погасла.

– Я ведь предупреждал, что буду наказывать тебя за каждую неудачную попытку нападения, так?

«Так?»

Есть вопросы, которые не требуют ответа, когда можно промолчать. Но этот взгляд требовал, чтобы я раскрыла рот, чтобы признала очевидное.

Я сдалась, когда поняла, что снова едва ли могу смотреть в холодные и «многоуровневые» глаза. Что меня мнет изнутри, как жестяную банку.

– Так, – прошелестела тихо.

– Хорошо, что ты об этом помнишь. – Больше ни тени от улыбки на губах тоже. – А теперь выходи из машины.

Он произнес это, а я поняла, что не хочу. Не хочу выходить из машины, зная, что меня накажут. Неважно, как именно. Мне впервые захотелось пролепетать что-нибудь, похожее на «послушай, ну проехали, все равно же не вышло...» или «я ненамеренно...» Проблема заключалась в том, что все было «намеренно». И не сбежать из чертова джипа, не спрятаться за сосной, не убедить товарища в том, что «заряженная ему в лоб оплеуха была шуткой». Не была. Арид об этом знал. Я знала. И выходить, совсем как маленькой девчонке, мне не хотелось. Вот только жалко будет смотреться, если я прилеплюсь пальцами к дверной ручке, если буду верещать, когда меня начнут тащить наружу силком.

Поэтому я потянула за ручку двери. И поставила ногу на землю.

Все так же хорошо пахло вокруг. Густо, волшебно. От машины на пару метров майор отошел, смотрел на меня теперь со смесью скуки, разочарования и недоверия от того, что напротив женщина. Слово выдал и того хуже.

– Девочка.

Будто припечатал. Будто хотел вздохнуть от того, что возиться ему приходится с кем-то примитивным, чье место на кухне, у раковины с мыльной водой. В крайнем случае, в постели или с лопаткой для сорняков у куста с розами.

– Как тебя наказывать вообще? – кажется, Арид действительно был озабочен этим вопросом. – Ты ведь годишься только для одного...

Ему даже не нужно было прояснять, для чего – мой разум заволокла опасная пелена. Она появлялась в моей голове всякий раз, когда на ринг выходил злящий меня враг, враг, которому хотелось во что бы то ни было свернуть шею. И на Арида я сейчас смотрела так же – холодно, отстраненно, зная, что теперь доберусь до его горла. Неважно, чего мне это будет стоить и чем закончится, но я вспрою ему щеки ногтями, я услышу треск его костей, я сделаю так, что он пострадает. За моими плечами три золотых медали в соревнованиях по «ММА». Девочка, бл№%ь. Эта «девочка» выигрывала не в женских состязаниях, а в смешанных, разнополых.

Он, конечно же, увидел, как я подобралась, как сгруппировалась для начала поединка. И тогда я впервые узрела, каким может быть взгляд светлых глаз, когда внутри у Арида наступает стужа.

– Хм, – хмыкнул он коротко, – хочешь так? Что ж, давай проверим твои навыки ближнего боя.

И вытащил руки из карманов джинсов, потому что я кинулась вперед.

(TheUnder- Iris)

Он был прав в одном: женщина в силовых структурах не выживет, если в ней нет огня холодной ярости, сумасшедшего желания победить и железобетонной решимости вырвать эту самую победу любой ценой. Во мне она была. Теперь особенно, больше, чем когда-либо. И я завертелась сумасшедшей юлой – удар, удар, удар... Я метила везде, всюду и молниеносно. От меня такой шарахались в сторону все квадроношцы, им хватило лишь одного представления, чтобы усвоить: не связывайся с капралом Джейн, когда она такая. Дурная, разрушительная и неостановимая.

Попытка добраться до шеи, ткнуть в кадык, подсечка снизу, замах, чтобы пробить прямой в корпус... Не вышло? Хук справа, неудачный в пах, после прыжок на развороте – от моей пятки была свернута челюсть не у одного мужика. Но Арид удачным подхватом сделал так, что я перевернулась, грохнулась на землю. И тут же, как неугомонная пружина, вскочила. Он дал себе пару секунд, чтобы на это полюбоваться, мелькнула в глазах тень одобрения: мол, неплохо...

Я рванула в бой снова.

Удар, удар, удар... И лишь спустя мгновение я поняла, что все мои удары он просто парирует. Тонко, точно, филигранно. Ускользает от кулаков, от траекторий, ставит блоки, когда ускользнуть нельзя. Но не бьет. Он за все время моих бешеных попыток его достать, не ударил ни разу. Вот же снисходительная сука...

«Из него вышел бы идеальный учитель», – мелькнула совершенно несвоевременная мысль. Я пыталась добраться до его переносицы, до челюсти, метила в ключицы, грудину, я была так, что замедленная съемка наверняка бы показала пену у моего рта и горящий безумный взгляд. Еще удар, еще, еще – опять все отбиты... Словно насмешка, словно фраза «ну, отстань уже, спать мешаешь...»

И тогда я взревела как никогда. Почти попала ему пальцем в глаз, второй рукой умудрилась выхватить из кобуры второй нож – на этот раз целый, и я бы засадила его ему в печень, но была сбита первым сокрушительным ударом. Не очень сильным, но очень точным.

Мы сдвинулись от дороги на поляну, и потому голова моя ударилась затылком о траву. И даже при наличии «подушки» из растительности, из моих глаз высыпался мешок иск. Вскокить, перевернуться, драться снова – внутри меня бежала разрушительная бегущая строка из команд.

Но подняться я не смогла – к моей шее был прижат нож. Тот, который у меня с легкостью отняли. И его лезвие куснуло кожу.

– Все. Выдохни.

Тот, кто лежал рядом, обозначил конец поединка.

В моей крови еще бушевал пожар агрессии, дай мне возможность, я потратила бы на этом «ринге» все свои силы до последней капли, я бы не остановилась. Вероятно, Арид это чувствовал.

– Дернешься – и рана станет намного глубже, это ясно?

Его рука недвижима, а надо мной будто гильотина.

– Вытяни ноги.

Мне хотелось ему припечатать – как-нибудь, куда-нибудь. Пальцы, ощущая, как будут сжимать ему шею, крючились в предвкушении.

– Вытяни ноги, я сказал. – Холодный приказ, очень жесткий, хоть и негромкий. Лезвие на микрон вниз – я шумно вдохнула. Если послушаюсь, дышать мне станет нечем. Пришлось полусогнутые колени распрямить, лечь ровно.

– Руки, – продолжил Арид, – положи вдоль тела. Пальцы расслабь. Ладонями вниз. Я подчинилась. Сложно сопротивляться с ножом на шее.

– А теперь ты будешь так лежать и не двигаться две минуты. Начинай отсчет.

Я знала, что он делал: он заставлял меня успокоиться. Принудительно. Безропотное подчинение без возможности дернуться не может не утихомирить, даже если ты горишь бордовым пламенем мести.

И строка из деструктивных команд в моей голове начала рассыпаться.

2.2

(Evanescence – SecretDoor)

Мы умели чувствовать время. Чтобы понять, когда начинаются и заканчиваются две минуты, мне не нужно было считать. Нас слишком много гоняли, заставляли высчитывать выполнение команд в миссиях до миллисекунд, мы все обзавелись внутренним таймером. В голове неслышно тикало.

Его рука не дрожала. Боль в шее была несильной, но она странным образом отрезвляла. Боль всегда проясняет сознание – таков ее побочный эффект.

Это было странно – лежать на траве. Смотреть на небо... Что-то отсыхало внутри, смягчало стук разгоряченного сердца. Ровное дыхание рядом – я старалась не думать о том, что Арид даже не запыхался. Мое собственное дыхание из шумного постепенно делалось нормальным, по вискам стекал и высыхал пот.

Шумели кроны.

Двадцать секунд, тридцать, сорок...

Они так мирно качались над головой – кроны. Так легко и просто, так спокойно. И я не могла вспомнить, когда в последний раз наблюдала за деревьями, когда смотрела на небо. Почему вся жизнь такая? То бой, то тренировки, то погони, то сон до будильника. Стрельба, запах пороха, друзья – сослуживцы... Когда я окончательно свернула на эту дорожку? И зачем? Странные мысли, когда кожу жжет лезвие, когда рядом лежит противник. Но я вдруг ощутила, что устала, – не от сегодняшнего боя, но в целом от чего-то неправильного. Когда я выделю себе время на отдых, съезжу на отдых? Я вообще собираюсь начать размеренно жить – проживать собственные дни, ощущать их?

Арид заставил об этом задуматься.

Он мог сейчас это сделать, мог просто нажать. И глупо почит на неизвестной поляне солдат Джейн, внесет для чьего-то взгляда диссонанс между такой живой, сочной и яркой природой. И смертью.

Минута двадцать. Иногда хорошо просто молчать, хорошо даже не думать.

Если это мой последний отрезок жизни, хотелось запомнить его таким – тихим, с деревьями над головой. И хотелось почему-то смягчиться, освободить душу от жестких тяжелых оков. Успеть.

Минута тридцать.

Он смотрел прямо на меня, на мое лицо – я чувствовала это. Повернуться не могла, не рискуя углубить «засечку» на коже, и потому не двигалась.

(Britton- Liberated)

– А знаешь, мне понравилось. В целом.

Сейчас мне было не до оценок. В голос Арида вернулась привычная насмешка.

– Только замах у левой длинный.

Учту.

Ему виднее, подумала я без всякого сарказма. Экс генерал-майор в ближнем бое очевидно превосходил меня по всем показателям и потому мог делать замечания. Мы с ним – слишком разные весовые категории, в будущем тратить силы на прямую схватку не имеет смысла.

– Только почему тебя так плохо научили подчиняться?

Подчиняться. Я молчала, опасаясь, что любое мое слово спровоцирует «нож». И все же слово залипло в мозгах. Подчиняться...

– Все всегда придется делать самому.

Кажется, он опять впал в тот снисходительный, скучающий и раздраженный режим – мол, больше некому?

– Собираешься учить меня подчиняться?

– Очевидно, что так.

– Для чего?

Молчать я больше не могла. Диалог этот взвинчивал мои нервы, заставлял напрягаться – я тоже снисходительно относилась к идиотам, пытавшимся меня «приручить».

– Чтобы ты наконец познала свою суть.

– Суть умеющего слушать команды солдата?

– Нет. Свою истинную суть, суть женщины.

Приехали. Мне честно хотелось саркастично хмыкнуть.

– Думаешь научить меня этому через болевые тесты? Марафоны на выносливость, скорость и точность?

Пауза.

– Нет. Тем, что будет проходить между ними.

«Между ними?» А что будет проходить между ними?

– Чтобы ты могла, – продолжил негромкий мужской голос, – на контрасте оценить то, что тебе приятнее. Бегать, стрелять, выносить боль или...

Слово «или» повисло в воздухе. Мне хотелось его сдернуть, чтобы не болталось, обрубленное.

– Или быть нормальной девочкой?

Хватило бокового зрения, чтобы уловить улыбку.

– Точно.

Кажется, мужчина сбоку наслаждался всем. Своей непоколебимостью, превосходством, уверенностью в собственной правоте. Я все же хмыкнула.

– Я пробовала ей быть. И мне не понравилось.

– Значит, рядом с тобой не было правильного мужчины.

Странно, но эта фраза уколола меня там, где не должна была. Достала невидимым шипом до чувствительной части, заставила вспомнить чувство одиночества. Прилипшее ко мне намертво, за исключением тех коротких периодов, когда я считала себя влюбленной.

Внутри разливалась привычная желчь. «Сколько вас было таких, желающих, чтобы я была хорошей нормальной девочкой... И я была. Только ни один не оценил».

– Значит, хочешь научить меня покорности?

Нет ответа.

– Для правильного мужчины? – продолжила я. – Это, например, для Лардена?

Я знала, что упоминание фамилии текущего майора негативно отразится на настроении Арида. Так и случилось. Помноженное на два. Улыбка исчезла; меня проморозило от того, какой теперь ощущалась аура лежащего рядом человека. Конечно, они были не просто конкурентами за одну должность – они, похоже, были давними непримиримыми врагами. И пнуть Арида по яйцам у меня получилось хотя бы словесно.

«Хоть так».

Правда, следующей фразой он «пнул» меня тоже. Спросил холодно и жестко.

– Хочешь, чтобы я надавил?

Надавил на нож. Я не знала, надавит он или нет, – он мог, наверное. Он стрелял без раздумий, он был себе на уме, он желал мстить. И фамилия была упомянута мной неверно и несвоевременно.

– Да?

– Нет, – выдохнула я обреченно.

– Не слышу!

– Нет, ...командир.

И я закрыла глаза. С ним шутки плохи, он, этот человек в зеленом бадлоне и с армейским жетоном, их не понимает.

– Командир, – пронеслось эхом. И насмешка вернулась в чужой голос: – А ты лиса...

Я знала, что намеренно погладила этим словом его самолюбие – то был единственный шанс выбить смягчение, то было немое прошение пощадить.

Теперь Арид молчал. И молчал долго. Я продолжала лежать с закрытыми глазами, чувствуя прижатое к шее лезвие, слушая кроны. Давно прошли две минуты, давно успокоился мой бешеный после боя пульс; мою ладонь щекотал лапками муравей. Я не дергалась, не трясла рукой, чтобы не провоцировать неверный ход событий.

– Ну так что, – спросили меня наконец, – мы едем на полигон? Или еще... «пообщаемся»?

– Едем.

Мое горло отпустил армейский нож.

2.3

Пара километров пути куда-то в лес, и еще одна поляна. Мишени вдалеке, обширный, хорошо просматривающийся с этой точки кусок неба, простор. Хорошо, что ветер нагнал облака, метиться и стрелять будет проще.

– Бьем по ним? – я кивнула в сторону прибитых к столбам досок с очертаниями многократно пробитых пулями фигур.

– Нет.

Мой провожатый уже успел достать из багажника складной столик, установил на нем военный лэптоп, раскрыл экран, нажал «загрузить». Рядом выложил чемодан с оружием, щелкнул замком.

– Все заряжено, выбирай.

Мелкий «ПМ», средний «Каутон» и большой массивный «Игл» пятидесятого калибра.

«Заряжено?»

Конечно, Арид увидел мой взгляд, брошенный на него-идиота, предлагающего мне коснуться заряженных пистолетов. Он на самом деле думает, что первый выстрел будет не в него? И очередная усмешка на губах, которую мне очень хотелось стереть, но пока никак не получалось.

– Браслет, который я надел тебе на запястье, Джейн.

Пауза. Это должно было что-то объяснить? Да, он защелкнул на моей руке некий «механизм», к счастью, легкий и плоский, стрельбе не мешает.

Отозвавшись на мой вопросительный взгляд, Арид объяснил:

– Как только ты возьмешь в руки оружие из этого чемодана, между браслетом и пистолетом появится «связка». Если попробуешь навести ствол в мою сторону, получишь разряд. Сильный и неприятный. Я бы на твоём месте не проверял.

Ах, черт бы его подрал... У меня на запястье портативный шокер, ориентирующийся по координатам. Умно. До зубного скрежета. А на лице майора ласковая сладкая улыбка, мол, сколько раз ты будешь держать меня за придурка? Главное, не забытья, не повернуться с пистолетом в его сторону, иначе будет больно.

Утро незаметно перетекло в день, обещавший быть погожим. В этих местах было что-то умиротворявшее, завораживавшее душу. Тихо шелестела и качалась трава; вокруг ни души, ни звука, настоящий первозданный покой. Тут бы расстелить на земле покрывало, поставить корзинку со снедью, а не палить. Но выбор невелик. Убрал за уши волосы, бросаемые на щеки порывами (ничто не должно мешать, когда начну стрелять), я еще раз взглянула на содержимое чемодана. И попросила:

– Озвучь задание.

Он оценил. Он оценивал, как мне казалось, каждую мелочь, и я постоянно ощущала себя, как на прохождении одного-единственного затяжного экзамена. А оценил Арид тот факт, что я не потянулась к пушкам, не услышав цель миссии.

– Стреляем по тарелкам, – его плечи качнулись, – каждая должна развалиться. Если отколется лишь кусочек, значит, промах, незачет.

«Тарелки?» – с ними я тренировалась часто.

– Сколько их всего?

– Пятнадцать.

– Скорость?

– Хм... скорость. Для меня средняя. Для тебя? Увидим.

Значит, скорость полета, скорее всего, высокая.

– Траектория одна и та же?

– Ты хочешь, чтобы я тебя обо всем предупредил?

Спросить – не грех. Вдруг ответит. А нет так нет.

Путались в голове сумбурные мысли – хотелось выиграть первое же соревнование, хотелось отчалить домой. Почему-то рядом с этим мужчиной мне каждая минута ощущалась длинной в день, и соседство с майором сложно было выносить. Арид хитер, несговорчив, тяжел, несмотря на умение улыбаться и шутить, а я слишком давно не находилась в одиночестве. «Убить» бы все тарелки, плюнуть ему под ноги и отбыть прочь из этого леса... Именно поэтому на оружие я смотрела долго, придирчиво. У «ПМ» слишком короткий ствол, и, значит, точность может хромать – не пойдет. «Игл» даст весом напряжение на запястье, на большой скорости перемещения это создаст проблему. Не то. Конечно же, я взяла «Каутон», к тому же у него был удлиненный магазин, и не начну щелкать вхолостую после восьми или двенадцати выстрелов.

– Хороший выбор.

От этого человека, стоявшего рядом, я не желала слышать ни похвалу, ни упрек. Но промолчала. На секунду подумала о том, чтобы перекинуть ствол в левую, чтобы выстрелить без разворота корпуса, но в этот самый момент обошедший сзади Арид защелкнул на моем левом запястье еще один шокер.

ЗеНись.

Вот теперь действительно без вариантов. Командир тем временем вернулся на место, затих, и я поспешила спросить.

– Ты предупредишь меня о старте?

Без предупреждения можно промазать уже по первой.

Сбоку хмыкнули. Но смилостивились.

– Хорошо, облегчу тебе жизнь до максимума. Старт через три, две, одну...

Он нажал кнопку на клавиатуре ноутбука.

(BlueStahli- Enemy)

Первая тарелка вылетела откуда-то справа, как мелкое стремительное НЛО. Хорошо, что я была готова, уже на «взводе», сфокусированная на небе. Мои глаза, как приклеенные, проводили ее до второй трети пути. «Бах!» – мишень вдребезги.

Они летели быстрее, чем я предполагала, и даже без пауз. Вторая выплонулась слева – хотелось чертыхнуться. Этот урод не предупредил, что траектории перекрестные; хорошо, что я часто тренировалась и отлично стреляла. Бах! Вниз посыпались осколки.

Меня пек чужой взгляд, направленный не на небо, но на меня. Сейчас не до него...

Третья и четвертая почти одновременно с разных сторон – выстрел, выстрел. Я подловила их в точке пересечения. Хорошо, что у «Каутона» легкий смазанный курок и откалиброванный прицел. Значит, в мире еще существует справедливость. Пятая по диагонали – моя рука двигалась за ней со снайперской точностью. Кстати, я хотела им быть, снайпером... Бах! Вдребезги. Шестая пулей, седьмая оттуда же следом – нечестно... Еще два патрона в цель.

Перед восьмой пауза. Специальный дезориентирующий трюк, чтобы я начала шарить взглядом по небу, расфокусировалась, потеряла собранность? Ну уж нет... Она стартовала спустя две секунды и прямо на меня из-за дальней кромки леса. Сколько метательных машин он установил по периметру? Хрен непредсказуемый... Хороший командир, но как человек – еб Нюан. Бах!

У девятой, десятой и одиннадцатой скорость совсем уже запредельная, точки пересечения нет – мне практически повезло не промахнуться, двенадцатая без задержки справа... Внутри начинало разливаться облегчение – осталось три. Всего три! Тринадцатая прошла косой дугой слева – я сняла ее, ощущая, что слюна во рту от напряжения приобрела металлический привкус. Начал скалиться внутри меня довольный клыкастый зверь – мы почти победители, мы скоро свалим отсюда...

Не знаю, почему именно сейчас взгляд Арида ощутился мною особенно плотным. Майор мной любовался? С чего именно это ощущение? И черт меня дернул всего на долю секунду посмотреть на него – точно, смотрит не на небо, на меня. И в глазах такое странное выражение... Опять гребаное довольное снисхождение?

Если бы я не посмотрела на него, если бы не повернула голову на микрон, я бы попала в четырнадцатую точно. А так задела ее по боку, скользнула по военной керамике снарядом, и та не раскрошилась. Черт! Черт-черт-черт! Кусок откололся точно, я видела... Это зачтется? Я была готова материться, как прожженная шляха, и негодовать, как дракон. Пятнадцатую я «уложила» точно и по центру – осколки во все стороны.

Опуская руки, я ощущала, как они трясутся. Никогда в жизни у меня не тряслись руки от стрельбы, но тут другое, тут игра на выживание.

И, кажется, впервые за все это время выдохнула.

(Hidden Citizens – Ready for This)

– Смотрим...

Оказывается, у него на ноутбуке была установлена система сканирования тарелок, оказывается, на тарелках располагались датчики. И теперь каждая из них возникала на экране в трехмерной проекции. Сначала они появлялись целыми, после попадания выводился на экран даже абрис осколков. Ничего себе технологии. На наших полигонах все было проще – ущерб оценивался глазами.

Пистолет я положила обратно в чемодан, который, конечно же, Арид уже закрыл. Браслеты с меня он пока не снял.

– Первая – да, вторая – да, третья – да...

У меня через раз стучало сердце.

– Четвертая – да, пятая – да... Кстати, ты отлично убила сразу три. – И даже палец вверх.

Наверное, мне стоило рдеть от удовольствия, но вместо этого мое нутро по мере приближения тарелки номер четырнадцать все больше холодело.

– Восьмая, девятая...

Осколки, одобрителный зеленый сигнал системы. А вот на четырнадцатой он – у меня случился внутренний ледяной душ – сменился красным.

– Четырнадцатая мишень – незачет.

– Я попала в неё... – Плевать, что это прозвучало грубо. Только бы не броситься на него с кулаками, только бы не забыть про два шокера на руках.

– Да. В край, – палец Арида указал в точное место попадания, услужливо прорисованное системой на трехмерном объекте. – Даже отколола часть. Но задание я озвучил вначале. Как именно оно звучало?

Чтобы мне сейчас расцепить рот, чтобы озвучить это самое гребаное задание, пришлось бы сломать внутренний цемент, перемешанный со строительный клеем. Арид ждать не стал.

– Не раскололась на части? Тест провален.

Равнодушный приговор, не подлежащий апелляции. И этот удручающий взгляд – мол, *я дал тебе шанс уйти легко и быстро, ты им не воспользовалась.*

Мне давно не было так паршиво, так странно пусто внутри. Победа была так близко, она была очень возможна, мне хватало и подготовки, и сноровки. Зачем я покосилась на него, почему? И, как часто бывает, собственную неудачу иногда просто невозможно не свалить на кого-то еще.

– Ты смотрел на меня!

Кажется, чем больше я была «девочкой» – той самой истеричной неадекватной девочкой, а не логичным солдатом, – тем больше Арид веселился. И даже оправдываться не стал.

– Да. Смотрел. Именно это явилось причиной твоего провала, капрал?

Я снова ненавидела его. Конечно, причина провала не в ком-то другом, не в чужом взгляде, а в моей реакции на этот взгляд, но так неудержимо люто теперь хотелось вцепиться в глотку, которую обвивала армейская цепочка. Вонзиться в эту мощную шею пальцами когтями, вспороть, порвать. В эту минуту лучшей музыкой для моих ушей стал бы хрип из поврежденной артерии.

Конечно, экс-командующий видел мои мысли, читал по лицу. Но поблажек давать не собирался.

– Смею тебя уверить, я разбил бы их все без промаха, смотри ты на меня в упор или держи за яйца.

«Держи за яйца?» А он не боялся бы, что я не в нужный момент их сомкну стальной хваткой?

– Хочу проверить, – процедила я зло.

– Не сомневаюсь.

О, это «не сомневаюсь» проехало по мне новой волной ярости. Он правда думает, что я его хочу? Что мне вот прямо важно было почувствовать своей рукой его шары, что не было и не будет для меня в жизни большей радости?

Мы стояли напротив друг друга, и никогда еще между мной и кем-то не было большего напряжения, чем то невидимое, выгибающееся электрической дугой сейчас.

Он не собьет мои мысли в эту пошлую тему, не сдвинет их туда, куда я не захочу. И на этот раз я не собиралась щадить его самолюбие.

– Мой личный интерес к тебе нулевой. – Я знала, что он видел сейчас по моим глазам, – толстенный лед. – Я тебе об этом говорила.

– Да-да, что труп для тебя привлекательнее меня. – Пауза. И взгляд майора сделался странно-залипательным, выдавшим работу хитрой мысли. – Только я тебе не верю.

Бить так бить.

«Думаешь, любая растает при виде тебя? – вещала я немо глазами. – Думаешь, посмотрит на твою фигуру и падет ниц? Зае№еешься ждать».

– Мышцы – не залог мужественности.

– Правда? Не знал.

Я знала, что удар невидимой коленкой насколько-то достиг цели, его тех самых «шаров», но тон Арида остался шутовым. А после послышался прохладный приказ:

– Шаг вперед, капрал.

«Очередной урок» – мне не хотелось вперед. Но майор умел это делать каким-то непостижимым образом, приказывать. Произносить слова так, что у тебя льдом кристаллизировались внутренности, что хотелось начать извиняться до того, как озвучен «приговор», желательно не идти вперед, но ползти – вдруг пронесет. Я знала, что не посмею послушаться, хотя почти ненавидела себя в этот момент.

– Руки не поднимай.

Если я подниму руки, меня прошьют сразу два разряда. Возможно. Пистолетов уже нет, но проверять не хотелось.

Шагнула вперед я с таким скрипом, будто у меня были шунтированы оба колена.

– Еще один.

Ближе к нему? Не надо... Я почему-то боялась, что он ударит в прямом смысле, что на меня после первого «ласкового» предупреждения в виде «засечки» на шее обрушится его кулак. Возможно, без замаха и не слишком сильно, но ребро-таки треснет...

Я подвинулась вперед, как инвалид.

– Еще шаг...

Пожалуйста, только не вплотную. Третий шаг получился совсем коротким, куцым. И тогда Арид полностью сократил дистанцию между нами сам. У меня внутри обреченность, ожидание дурного: все-таки женщина в форме – это не женщина, это солдат. Но ведь не начнешь же скулить: «Пожалуйста, не надо...» Слова эти, однако, рвались наружу. Если ты родилась девочкой, то эту девочку внутри ничто не убьет – *мы слабее мужчин, увы, всегда слабее.*

Арид подошел так близко, что зазора между нами не осталось.

(Future Royalty – Set Me On Fire)

Я сжалась в цементный комок, я приготовилась к худшему – если он сделает больно со столь близкого расстояния, это будет болезненно душе, низко. Прямо у моего лица мужская шея, нос практически уперся в кожу. Арид же, чьи губы оказались у моего уха, шепнул:

– Теперь дыши.

Дыши. Дыши... Дыши...

От напряжения я разучилась это делать. Приказав себе расслабиться, я вдохнула, попыталась выровнять собственный, учащенный страхом пульс, стать хоть чуть-чуть стабильнее. Вдохнула один раз, второй... И только теперь поняла, действительно поняла, что именно этот черт в бадлоне делает.

Этот запах... Для женщин запах мужской кожи, правильной мужской кожи – это и наркотик, и никотин, и афродизиак. И ничего не поделать. Это ниже или выше всех инстинктов и логики, это срабатывает помимо воли – ты начинаешь ощущать «партнера». Особенно если

партнер – высокий мускулистый мужчина, от которого веет сдержанной агрессией. Если он многократно сильнее тебя, если он пахнет, как бог.

«Джейн, не реагируй». Просто низкая провокация.

Я дышала, старалась не думать и, конечно же, не реагировать. Но как? Я честно силилась, я отбеливала сознание, чтобы на нем не рисовалось новое переплетение символов – символов «связи». Не будет этого, не будет... Ох, как он пах, генерал-майор... Его аромат заставлял меня забыть про все, что существовало «вовне», он погружал в исключительно внутреннюю вселенную, которая желала чего-то странного. Например, оказаться в параллельной реальности, чтобы касания или что-то большее стали между нами возможными.

Ухудшало ситуацию то, что Арид вдыхал мой запах тоже, я чувствовала это всеми фибрами души. Его потяжелевший от инстинктивного притяжения вдох, его губы у моего уха, у самой мочки, его нос, скользнувший по волосам. Сейчас я касалась мощной накачанной груди, я не просто видела эти литые мышцы, я в них упиралась. Эти уникальные бицепсы слишком близко, и сквозь ткань – жар кожи.

«Дыши». Наверное, лучше бы он ударил. Я это понимала, потому что плыла. Потому что понимала, что начинаю желать, что не могу качнуться вперед, погладиться щекой о чужой подбородок, не имею права провести пальцем по вене на шее. Перед Аридом хотелось склониться, ему хотелось отдаться. Я проигрывала бой с самой собой, у меня заволкло пеленой глаза. Наверное, в постели он действительно был хорош. Он был огнем и лавой, он умел делать так, чтобы существующий мир забылся и выстроился на его месте новый. Наверное, он, как и в остальных своих играх, мог бы жестким, мог быть ласковым, мог легко свести с ума.

Дерьмово, что я стояла и понимала, что поддаюсь на все эти низкие провокации. Я не могла не чувствовать его запах – он об этом знал, – и запах этот рисовал в моей голове запретные картины. Еще хуже, что отныне я постоянно буду пытаться уловить этот аромат, стоит нам оказаться рядом. Я буду делать это интуитивно, и хоть ты включай логику, хоть нет.

Экс-командир чуть качнулся, оставшись столь же близко, почти прошел своим носом по моей щеке, и жаль, что я посмотрела ему в глаза. Пыталась быть сильной, независимой, храброй, сделать вид, что мне все равно. Но его губы и мои разделял вшивый миллиметр пространства – это слишком близко, слишком для того, чтобы мыслить трезво. Чтобы вообще мыслить. Я не знала, сколько прошло времени – оно исчезло, – но мне пришлось признать, что я никогда никого не хотела так сильно, как того, кто стоял сейчас напротив. Я пропиталась его запахом, а он моим, после таких вещей рациональность уже никогда не включается в полной мере. Мы оказались очень даже «совместимы» – вот что он мне показал.

Я все еще смотрела в глаза, которые от освещения сейчас казались темнее, чем обычно, и зеленоватыми. Красивый оттенок. И я боялась, что поцелуй может случиться, того, что он почти случился. Это шах и мат по всем фронтам... Сумею ли я после сближения, если оно когда-нибудь произойдет, хладнокровно нажать на курок? Головы больше нет, ясности больше нет.

Конечно, Арид увидел то, что хотел, – мои расширенные зрачки, – уловил мою слабость в коленях, кажется, он до процента мог назвать, насколько сильно скрутило мой живот. Ту его область, которая отвечает за «хочу тебя внутрь, жду, приходи».

Спасибо, что не возникло насмешки. Вместо этого послышалась фраза:

– Не ври мне больше.

Он считал все данные, которые хотел считать с моего тела. Каждый случившийся невербальный отклик, каждое «да», возникший флер томительного ожидания.

Что я могла теперь? Каким образом защитить свою честь, которая только что чуть не задрала свою юбку, показывая, что трусиков-то нет?

– Буду врать, – отозвалась настолько ровно, насколько сумела, понимая, что обеднею душевно, как только он отойдет. – Буду врать постоянно и со вкусом.

– Что ж, как будет угодно.

Он все-таки улыбнулся. И... отодвинулся.

«Никогда я не буду вспоминать этот момент», – клялась я себе яростно. Это всего лишь запах, всего лишь обоняние и воспоминания. Я умела их отключать. До этого момента умела.

Сейчас он сложит лэптоп в машину, столик в багажник. Погрузит пистолеты, освободит меня от шокеров. Что дальше? Одно я знала наверняка: находиться рядом с ним я больше не хочу. Его нужно или убить, или навсегда убрать из моего поля зрения.

Ладно, я проиграла, но ведь это не конец? И почему мне казалось, что проиграла я не одно задание, а сразу два?

– Когда следующее испытание? – кажется, разочарование все-таки просквозило в моей голове. Смешанное с раздражением, хвостом ярости.

Арид же спокоен, практически умиротворен – ни дать ни взять вечный победитель.

– А когда ты хочешь?

– Сейчас.

Конечно, зачем ждать? Нужно выигрывать очередной тест и сваливать отсюда.

– Без проблем. Предупреждаю только, что он будет на порядок сложнее предыдущего.

– Я готова.

На меня взглянули, прищурившись. Если бы не ситуация, я бы засмотрелась на эту полуулыбку и прищур, подумав, что майору бы отлично подошла роль плохиша в ковбойской картине. Или роль хорошего, но жесткого парня.

– Садись в машину.

Шокеры он снял аккуратно, без торопливости. Я силилась не ощущать его касания, не чувствовать их.

А шагая к джипу, подумала вдруг: он правда смог бы сбить пятнадцать тарелок, если бы за его шары держалась женская рука?

Дались мне эти яйца. Я, конечно, смогу не думать о них тоже, уже могу. Ну, почти. Уже почти могу. Точно смогу через секунду...

Глава 3. Если она вернется...

(Head Splitter – VALORANT Theme Remake)

Арид

Снова на коленях ноутбук.

«Сегодня в полночь, – вещал Гил Брукс, программист с базы «Квадрона», – поедут сопровождать две машины. Маршрут высылаю...»

«Сколько будет наших?»

«Четверо».

«Нашими» он давно не любил называть сослуживцев, слово это использовал по старинке, чтобы Гил понимал суть.

«Кто именно?»

«Дэрон, Уинн, Заправски и Оуэн».

Арид боялся увидеть имена тех, кого уважал, кого считал неподкупными. Например «Треть». Бука Чечича, первоклассного бойца, прозвали «Третью» из-за заиканий. Тот отлично выговаривал первую треть слова, а вот дальше в произношении замирал, как ржавый стоп-кран. Зато в бою не замирал никогда. Думая о тех, кого оставил позади, Арид нехотя задался вопросом: а с кем из них кокетничала Дэйзи? Временно прогнал мысль прочь.

«Они знают, что будут охранять наркотики?»

«Не уверен. Но транш каждому на счет поступил тройной».

Значит, знают. Он еще не выяснил всех «теней», стоявших за грязными приказами, но процесс шел. Арид лишь надеялся, что купили не всех, что среди коллег остались люди, чистые совестью. Так они их Гилом и прозвали: «чистые» и «грязные».

«Думаешь, капрал Джейн “грязная”?»

«Данных у меня нет. Платили ей обычные суммы. К тому же она новенькая, новых сразу не посвящают...»

Ну да, тут надо быть старым и прожженным, к тому же недовольным официальным положением вещей, например зарплатой.

«С кем она спала?»

Ноутбук с ответом замер. Брукс то ли удивился вопросу, то ли отошел отлить.

Еще даже не полдень; Ариду хватит времени на подготовку к вечерней вылазке, в которой он еще раз зачистит тех, кто предал собственную совесть и продался за деньги. Оповестит своих людей, которых набрал уже после вынужденной отставки – не самых сговорчивых или надежных, но способных помочь в выполнении заданий, – просчитает стратегический план, выпьет кофе. Это не ему сегодня проходить еще одно «испытание», пробираться по сложному лесному маршруту и силиться выжить. Что ж, она так хотела сама.

«Не знаю, информация о личных связях в базе не хранится», – наконец ожил чат.

«Послушай, поспрашивай...»

Ему почему-то хотелось об этом знать.

«Я же не бабка-вынюхивальщица, чтобы стоять под дверями и слушать звуки».

«Побудь ей».

Гил понял, что Арид серьезен в своем намерении прояснить больше. Сдался он быстро, зная, что за работу хорошо оплатят.

«А ты ей заинтересовался...».

Может быть, думал Арид. Собственно, он сам еще не понял. Знал только, что ему, по сути, плевать, жива Джейн или мертва, она вчера явилась за его телом, она носит погоны

«Квадрона» – этих фактов хватало, чтобы он испытывал к ней мало теплых чувств. Все же было в ней что-то нетипичное, нелогичное даже, неразгадываемое вот так сразу. Она отлично стреляла: ладно, каждый первый боец в отряде – отличный стрелок. Её рукопашка достойна похвал. Если бы не годы практик и тренировок, был бы шанс, что капрал добралась бы до болевых точек экс-командира. Плюс балл в её копилку. Арида удивляло другое... Если бы он подумал о женщине, желающей прижиться в отряде мужиков, ей должна была стать «психопатка», агрессивно настроенная мужеподобная тетка, обожающая насилие. Капрал Джейн насилием не наслаждалась совершенно – он никогда не ошибался в таких вещах.

«Выясни причины ее прихода в “Квадрон”».

Гил опять замолчал. Наверное, матерился по поводу того, что Арид вдруг стал таким дотошным.

«Каким образом? Начать рыть ее прошлое?»

«Если будет нужно».

«Знаешь, а ведь Ларден случайно попал в цель. Зная, что бабой вот так просто тебя не заинтересовать, он все же заинтересовал тебя бабой. В погонах».

Брукс добавил в конце гнусный смеющийся смайл. Все верно: бабой в погонах Арид заинтересовался бы в последнюю очередь, но, когда дело касалось Джейн, что-то не сходилось. Она не наслаждалась схватками, не была повернутой на голову, мстительной или жестокой, но бойцом, тем не менее, являлась отличным. Что ее вело, что служило мотивацией? И все время тлел в ее глазах дерзкий огонек. Собственно, если бы она просто сдалась, встала перед ним внутри на колени, Арид выпнул бы ее прочь «с миром». Возможно. По крайней мере, он подумал бы об этом. Но когда кто-то откровенно насмеялся даже взглядом, транслируя: «Посмотрим, кто кого?», – Арид укладывал противника мордой в пол. Всегда. И покуда во взгляде Джейн будет гореть эта дерзость, её задания будут становиться все сложнее. Пока не провалится, не заскулит и не прогнется.

«Почему ей хочется доказать, что она не хуже мужчин?»

Причина однозначно в её прошлом, в некоем событии, в неудачных отношениях. Возможно, теперь быть «наравне с лучшими и сильными мира сего» – её единственный способ доказать себе, что она чего-то стоит. Глупая ловушка для собственных мозгов.

Попроси она еще вчера прощения, сегодня ей не пришлось бы пытаться уложить голыми руками трех боевых ботов. Арид годами тренировал новобранцев и профи – придумать сложные миссии он умел. И шанс на то, что Джейн вернется сегодня живой, – пятьдесят на пятьдесят. И те, кто сильнее, ботам часто уступали.

«До Лардена я еще доберусь».

Гил благоразумно промолчал, хотя Арид был уверен: Брукс тоже порадует, когда руководство сменится.

«Причины нахождения капрала в “Квадроне” все-таки выясни...».

«Может, спросишь её о них сам?»

Следом подтекст: «Тебе и ближе, и проще». Ну да, еще бы Дэйзи раскололась. Арид быстро напечатал:

«Спрошу, если она вернется»

«Вернется откуда?»

Он мог бы пошутить: «Из душа» или «Из моей спальни», – но не стал этого делать. Просто закрыл окно чата: хватит разговоров. Ему пора разработать план-перехват, в котором пострадают еще четыре квадрононца. Не хотелось бы резать глотки тем, с кем он в прошлом дружил, но сегодня салют, удача – имена, к которым у Арида не осталось эмоциональных привязок.

Ноутбук он временно отложил, вернется к изучению маршрута позже. Вытянул ноги, достал пачку сигарет, закурил. Вспомнил, как Джейн вчера повела носом, принюхиваясь к дыму, и чуть дернулась в преддверии улыбки щека.

Табак «Идальго» всегда хорошо действовал на его нервную систему; висели прикованные к трубе одним концом наручники над пустым матрасом.

Дэйзи... Цветочек. Девушка с внешностью модели, красивым лицом и по-женски накачанными мышцами. С мягкой сердцевинкой, которую Арид чувствовал интуитивно. Может, именно из-за неё он зачем-то провоцировал Капрала, любовался все новыми и новыми игольчатыми слоями, появлявшимися в ответ на его «вторжения». Вернется она сегодня или нет? Девушка с очень многослойным взглядом и хорошим, судя по всему, стержнем. По крайней мере, стержень этот не прогнулся с самого начала, дальше будет видно. Девушка-киборг, девушка-огонь. Как чутко она реагировала на его приближения, как очаровательно пахла. И как вздрогнула, когда он её почти коснулся.

Страхнув пепел, Арид в который раз ощутил некое несоответствие в Джейн. Тот факт, что она желала доказать мужчинам, что не хуже их, но при этом не обладала нужным уровнем вывернутой на максимум агрессии. Загадка. Ей нужен был «Квадрон». И не нужен.

Что-то еще сбивало с толку... Он не сразу вычислил, что именно, а осознав, удивился. Его катушка больше не фонила яростью так сильно, как двадцать четыре часа до этого. Нет, спрессованная злость, конечно, осталась, равно как и желание завершить свою собственную миссию, но настроение чуть выровнялось. Конечно, все дело в том, что он отвлекся на Джейн, на продумывание заданий для неё, на её реакции. Чем бы ни руководствовался Ларден, отправляя сюда Капрала, положительную роль рядом с Аридом она сыграла. И, если она вернется сегодня, он придержит её – такую восхитительную в своих резких откликах на его выпады – рядом с собой.

«Хорошая развлекаловка» – струйка дыма наружу. А он давно не развлекался. Не расслаблялся. Банально не переключался.

Испытал даже мимолетное желание подняться с кресла и пройти в комнату с мониторами, проследить за тем, как идут дела у Цветочка, но удержал себя в кресле. Она или ляжет там сегодня. Или вернется. Будет или минус один квадроновец (и, значит, его победа), или новая порция изучения друг друга, разговоров и перепалок. Арид даже удивился, когда мысленно проголосовал за «второе».

3.1

(Blue Stahl – Copper Sands)

Джейн

Арид отбыл. Но после диалога, случившего между нами, лес больше не казался мне ни приветливым, ни безопасным.

«Моя цель?»

«Вернуться домой до трех часов дня».

«Домой. К тебе?»

На мой вопрос он лишь плотоядно улыбнулся: мол, не к тебе же. Пояснил:

«Тебе придется одолеть трех боевых ботов и пройти довольно сложный маршрут. Хочешь выиграть испытание, торопись».

Конечно же, я не могла не спросить:

«Почему ты думаешь, что я не сверну к трассе? Не поймаю попутку, не скроюсь с горизонта?»

«Не сможешь. Безопасен лишь определенный фарватер. По бокам от «трассы» лес заминирован. Проверять не советую».

У меня похолодело в желудке.

«Оружие?»

«Зачем оружие хорошему бойцу?»

То был очередной раз, когда во мне возникло желание стоявшего напротив мужчину придушить.

«Оставишь мне часы?»

Ориентируйся по солнцу – вот что сказал мне его прохладный взгляд. – *Я более не буду облегчать тебе задачу.*

И он уехал.

Я нечасто в жизни ощущала неуверенность... Вру: часто. В прошлом. Наверное, поэтому я старалась натренировать себя по всем фронтам, чтобы уметь встретить трудности стойко. Но в этот раз подошвы прилипли к земле, двигаться не хотелось. Только полный гик мог заминировать окрестности, хотя, зная его чуть лучше теперь, я понимала, что это было логично. Логично по мнению Арида, который знал, что к его дому могут пожаловать с любой стороны. Удивительно, как на КаШках¹ не подорвались снайперы – наверное, он позволил «Рихтеру» и «Тауну» подойти ближе, наблюдая по камерам. Никаких сомнений в том, что лес этот – чертов лес, который присвоил себе «лесник», – обвешан наблюдательными устройствами.

Как ни в чем не бывало заливались трелями птицы. Ни воды, ни компаса, ни пистолета. Хотелось сесть и сидеть, хотя сидеть, зная, что поблизости бродят «ББ» – боевые киборги, – глупо. Укрыться, схорониться, дождаться ночи? Никакого толка, учитывая, что боты оборудованы визорами. А после, пробираясь в неизвестном направлении, наступить на взрыватель?

Сейчас, как никогда раньше, мне захотелось стать маленькой. И просто девочкой. Чтобы за мной пришел кто-нибудь, спас, отнес на руках в укрытие и сказал, что отныне все будет хорошо, что все уже в порядке. Но ведь солдаты не плачут.

Больше не радовали солнечные блики, не утешал вкусный летний ветер, не увлекали внимание разнообразные запахи растительности.

«Гуманнее было выстрелить мне в лоб», – думала я с долей обреченности, привычно окидывая внимательным взглядом все, что находилось рядом, – чем дать такое задание...».

Не знаю, куда бы я двинулась дальше, если бы не нашла незаметно оставленный Аридом «бонус» – нож и часы. Часы оказались необычными, геолокационными, со встроенным компасом. И экран показывал безопасный фарватер – ту часть леса, по которой я могла передвигаться без дрожи в коленях и залитых потом от волнения глаз.

«Когда он успел положить предметы на землю?» – чертов псих. Полный, бесповоротный. Даром, что псих гениальный, все равно долбанутый на всю голову. Каждая женщина пытается прощупать почву на предмет того, насколько в ней заинтересован конкретный мужчина. И если раньше у меня были мысли насчет хотя бы крошечного интереса Арида ко мне как к женщине, сейчас они полностью растворились. Меня, проделав почти час пути на машине, бросили здесь погибать. Без вариантов.

«Что ж, Джейн, вперед». Я и раньше не сдавалась, не собиралась и теперь. Знала, однако, одно: я никогда не пущу этого ублюдка в душу. Выбиралась из других ловушек, выберусь и из этой. И доберусь до его глотки.

Надела на запястье часы, нож прятать не стала. С ним наперевес спокойнее.

(HeadSplitter – TheMatrix)

¹ КаШ – мелкие противопехотные ловушки. (Здесь и далее прим. автора.)

Он показался меж деревьев после пары километров пути. Первый бот. Если бы я попробовала описать эту машину «штатскому», то начала бы примерно так: «Киборг ростом с человека, отлит из черного металла, с приплюснутой головой. Оснащен камерами, автоматом МК, оптическими прицелами в глазах, отличными звуковыми улавливателями. И, конечно, тепловизором» – именно в последнем заключалась основная проблема. Бот уловит тепло тела издали, и потому придется прятаться. Подбираться к нему с перебежками. Не имея никакого огнестрельного оружия, я буду вынуждена его отвлекать.

Одно для меня было ясно: я ни за какие коврижки не вернусь к коттеджу Арида к трем. Если вообще вернусь. Сейчас займусь поиском камней, которые буду швырять в противоположные от себя стволы. Когда «ББ» будет поворачиваться на звук, я буду перебегать и снова прятаться, надеясь на то, что деревья скроют тепло. И еще на то, что именно у этой модели не окажется камеры на затылке – новые точно оснащены радиальными. Шанс на то, что я получу рассыпуху в живот, примерно девяносто процентов. МК выдает почти сто пятьдесят выстрелов в минуту – адская машина.

Будь я обычной девчонкой, мне давно стало бы плохо, но я привыкла. К сложностям, стрессу, поту и напряжению. Если удастся подобраться близко, у меня будет примерно три секунды на то, чтобы напасть сзади и перерезать гидравлический шланг. Если повезет. «Треть» рассказывал, что шланги прочные, что резать нужно резко и быстро – он как-то сошелся с ботом в рукопашной, свалил его, когда думал, что уже расстался с жизнью.

«Ты сможешь...».

Все-таки мне плохо было тоже. Только полная бездушная тварь могла отправить девчонку против трех «ББ». Или экс-командир, желающий раз и навсегда проверить бойца. Может, просто умертвить ее не своими руками. От этой мысли добраться до хибары Арида хотелось с тройной жадной.

Главное, сейчас, собирая камни, не привлечь внимание этой машины. Ну и случайно не выйти за пределы безопасной зоны и не услышать до момента смерти сработавший щелчок КаШки. Говорили, она срабатывает с задержкой в секунду, услышать щелчок успеть можно. Проверять не хотелось.

Мое тело горело от адреналина. По венам сейчас текла не кровь – огненная лава.

Итак, камни...

С куда большим удовольствием, нежели быть главным действующим лицом, я бы посмотрела об этом фильм в кинотеатре. Жуя попкорн, болела бы за незнакомую девчонку, ежесекундно напоминая себе о том, что это кино. Что ничего с актерами не случается, но актером была я. И это была жизнь.

В далекую отсюда сосну, рискуя быть замеченной, я попала со второй попытки. Прокладывавший заданный маршрут бот мгновенно обернулся. Перебежка! Бешеный пульс, отчаянная надежда, что сейчас не прилетит в мою сторону автоматная трель, не полетят по сторонам щепки, не побежит, громыхая весом, бот. Камер на его затылке не оказалось...

«Что, не хватило денег на новых, генерал-майор?» Злость, если использовать её по назначению, придает сил.

Еще один камень; мне казалось, я слышу, как работает в электронных глазах фокусировочный механизм. Снова перебежка – хвала создателю, что под моей подошвой не треснула ветка. Тонны пота, тонны калорий – кажется, еще ни один человек за столь короткие дистанции не жег так много. А ведь мне не оставили воды.

Киборг двигался с характерными звуком работающих приводов. Всякий раз, высовывая голову из-за сосны, я будто смотрела на дверь в ад, откуда говорили: «Давай, одна пуля в глаз, и мы ждем тебя на этой стороне». В рай наемников не берут, мы небезгрешны. Но мне удалась

еще одна перебежка, затем еще одна... И вот я максимально близко к нему. Еще пока живая, но уже полутруп, силящийся собрать себя морально для того, чтобы кинуться машине на шею.

Моим умениям есть пределы, моей выносливости тоже. И моей силе, конечно. Только бы всего этого хватило, думала я, совершая стремительный гепардовый рывок и хватая «ББ» за шею. Только бы...

Этот гребаный шланг ощущался стальным. Я пилила его стервозно, повиснув на спине киборга обезьяной. Противной обезьяной, не желающей слетать от резких движений, держащейся за сталь цепкими лапами, сражающейся за собственную жизнь. Вжик-вжик-вжик! Будь это человеческая шея, я бы уже пропилила позвоночник. «ББ» старался манипуляторами ухватить меня за голову, за плечи, чтобы скинуть, но я горела белым огнем, не замечая стальных лап. Вжик-вжик-вжик... Как «Трети» удалось? Сучий гофрированный провод... Вжик-вжик-вжик...

В тот момент, когда мне в рожу брызнула гидравлическая жидкость, я заорала, потому что меня схватили-таки и перебросили через голову – боль в плече адская. На землю я грохнулась, понимая, что все, наверное, зря... Резко перевернулась на спину, хотела поползти на локтях, но замерла, потому что уже двигалось в мою сторону дуло МК.

Сейчас будет бах. Много пуль в башке, животе, меня изрешетит насквозь. Киборг продолжал обливаться бурой водой, которая хлестала из-за его спины, была фонтаном.

До моей башки у прицела осталось пять градусов, четыре, три – я должна была зажмуриться, но почему-то вместо этого приклеилась взглядом к черной дыре дула, откуда сейчас придет моя смерть...

Он замер. Замер, неспособный более двигаться, когда уровень гидравлики понизился ниже критической нормы. И не нажал на курок. Я откатилась как бешеная, как истеричная дура, совершающая последний в жизни прыжок, и после обернулась. «ББ» не шевелился. Камеры в его глазах работали, прекрасно фурычил микропроцессор, но вот приводы...

Нож в плоскую башку я воткнула сзади. С размаху.

Туда, куда был помещен главный чип.

Щека горела. Хорошо, что жидкость оказалась не на основе нефтяных масел. Источая запах трансмиссионки и синтетических присадок, я ножом отколупывала от корпуса «ББ» подходящую по толщине пластину, которую собиралась использовать в качестве отвертки. Лезвие слишком толстое, оно не проходило в вырез болтов.

«Хорошо, что не залило глаза» – все остальное я, насколько это было возможно, отмыла в ближайшей невысохшей луже, наполовину засыпанной хвоей. Пить из нее не решилась, конечно.

Мне нужен был МК. Проблема в том, что он закреплен в манипуляторе, который отсоединить, как ни странно, оказалось проще. Вот только не потащишь же ты с собой руку робота. Теперь предстояло раскрутить множество болтов. Пластина не сразу, но поддавалась. Осталось разломить ее надвое и многократно поработать кистью.

Наверное, я выглядела сумасшедшей и очень увлеченной. Увлеченной собственным выживанием. С бешеным взглядом, мокрой от пота майкой, гнездом из вспученных волос. Но главное – я победила первого «ББ». С остальными, имея при себе огнестрельное оружие, будет проще.

Спустя почти полчаса кропотливой работы – внутренние часы еще работали, а вот те, которые на запястье, время не показывали, – у меня в руках был почти новый хромированный автомат. И я трижды, переключив его в режим одиночной стрельбы, сказала «спасибо»

работникам завода за то, что они не спилили не нужной машине, но столь нужный человеку складной оптический прицел.

Короткий отдых я позволила себе возле ручья. Отмыла руки, лицо, сполоснула шею. Опустилась на мох, прижалась спиной к теплой коре – выдыхать тоже надо. Если есть возможность успокоить разум, нужно её использовать. Хотелось пару минут ни о чем не думать, но мысли занимал Арид. Он один. Повстречай я такого в мирной ситуации, положим, в баре, на чужом корпоративе, на улице, я бы его заметила, конечно. Внешность идеальная, умный, цепкий взгляд, лицо мужественное, фигура, эти мышцы... Ночами я бы мечтала о жарком сексе с ним, а после мое сердце разбилось бы вдребезги, потому что такой, как Арид, – волк-одиночка. А я не смогла бы не пустить его в сердце...

Хорошо, что оно закрылось намертво. Мне двадцать восемь, но одну вещь я уже понимала: мне суждено быть одной. Это тело может выдержать много боли, разум – много мыслительной агонии, а вот сердце... Ему хватает нескольких неудачных попыток, чтобы обрасти такой броней, что ни один опытный вор не найдет отмычку. Любой банковский сейф позавидует толщине этой невидимой стали. Я свои неудачные попытки «отбила», новых уже не хотелось. В прошлом имелся эпизод, который я предпочла стереть из памяти. Не физически, не с помощью услуг сенсора, но усилием воли. Никогда не трогала его мысленно, никогда не позволяла этой теме всплыть. С меня довольно. Хорошо, что мы с экс-командиром враги – наилучший из возможных исход.

Следовало двигаться, торопиться, но меня вдруг разбила печаль. Почему-то именно сейчас, сидя под сосной, слушая птиц, я с точностью алмазной грани поняла, что по возвращении уйду из «Квадрона». Если это возвращение случится. Я, возможно, выдержу сегодня, останусь в живых, но вот завтра... Если вернусь, найду деньги иным способом, возьму кредит в банке на открытие бизнеса, после подам документы о банкротстве, буду выплачивать займ частями. Варианты имеются всегда, жаль, я не подумала о них раньше. Полагала, смогу совместить приятное с полезным – зарплату и хорошие физические нагрузки. Прогодала по полной. Рядом лежит МК, открученный от бота, впереди еще два. Сколько пуль просвистит сегодня мимо? Сколько попадет в меня? Лучше тренировать в фитнес-зале девочек, чем иметь дело с мужиками. Тем более такими, как Арид.

Размышлять – это прекрасно, но мне следовало торопиться.

Я вздохнула, вернула на место стальные заслоны, подхватила автомат и двинулась в путь.

(EmadYaghoubi – BattleRage)

Это девочкой мне было становиться сложно, а вот солдатом – легко. Ноги сами несли вперед; на землю я смотрела с тройным вниманием и потому не могла нарастить темп. Если где-то ловушка, растяжка или «прутик» от мины, их стоило увидеть заранее. Следила за «невыходом» из зоны фарватера, конечно. Все ждала, что вот-вот появится впереди абрис второго «ББ», напрягалась.

Но его все не было видно.

Кажется, я прошагала километр, два, три... И вдруг поняла: вот оно, я достигла цели.

Прямо по курсу лес разделила надвое большая поляна. В конце ее стоял киборг, стоял и не двигался – я вскинула оружие, присмотрелась.

«Сломан»?

Не верилось, что мне могло так повезти. Нет, скорее, он перезагружал систему или что-то сканировал. В этом как раз заключалось невезение. Совершай он прогулку по заданному вектору, я смогла бы дожидаться момента и выстрелить ему в затылок. Или в «глаза», чтобы

убить камеры. Но вот боковые его пластины отлиты из суперпрочного металла, их не пробить. В конечности или корпус стрелять тоже не имеет смысла, нужен «перед» или «зад».

Я чертыхнулась.

Бот прилип к одной точке и движений не совершал. Прошла минута, вторая. Стало ясно, что придется поляну обойти, незаметно приблизиться. Вторая проблема заключалась в том, что линии опасной зоны как раз начинались там, где стоял лес. Справа вообще впрытык, а вот слева есть несколько метров до входа в заминированную территорию.

«Арид...»

Мне хотелось его проклясть так сильно, чтобы вылезла из-под его кресла черная демоническая рука и утащила экс-командира в ад. Ладно, времени в обрез, нужно не проклинать, а действовать. Я двинулась налево.

Здесь идти страшно, здесь могут быть зарыты «КаШ» – каждый шаг, как на эшафот по зыбкой почве. Страх выливался в стучащее как молот сердце и пот. Но метр за метром я приближалась к нужной мне точке, искала глазами просвет в растительности, откуда будет хорошо виден затылок. Удачно, что затылок, а не лицо, иначе бот бы заметил меня первым. Дерьмо началось тогда, когда сзади послышались тяжелые механические шаги и секундный звук мотора, раскручивавшего блок стволов.

А вот и второй!

Он начал палить тогда, когда я схоронилась за ближайшим деревом. И в его руках был не МК, а пулемет «Гатлинг». Собственно, меня предупредил именно звук ротора... А дальше щепки во все стороны, стрекот, от которого гложешь, свист... Хорошо, что я худая, что мне не заденет, если не высунусь, спину или грудь. Только бы дождаться, когда иссякнет первый магазин, только бы «ББ» не успел обойти сосну по окружной территории.

Есть ситуации, когда думать некогда. Когда ты становишься связкой – уши, инстинкты, действия. Стоило наступить короткой паузе – вероятно, робот вычислял наилучшую тактику, перезаряжаясь, – как я высунулась...

Иногда надо просто стрелять. Стрелять очень точно, на поражение, иначе без шансов. Первый патрон в глаз, второй во второй, третий в шею – в сочленение проводов, четвертый в лоб. Это все, что я за очень короткий промежуток времени успела, а после кусты из-за спины расскла автоматная очередь – очнулся стоящий киборг. Хорошо, что он палил без прямой видимости, на звук – я рванула, как сумасшедший заяц. Успела пролететь прыжками несколько метров, после запнулась, падая, перевернулась. Приземлилась за жопу и на ногу едва не защелкнулся присыпанный хвоей капкан...

«СукачертовАрид...»

Капкан! Мало ему мин?

Я едва успела занести ногу над стальной клыкастой пастью, и она цапнула меня за икру, содрала кожу и намертво зацепила штаны. Все это одновременно со стрельбой во второго «ББ».

Я расстреляла в него весь магазин. Весь. Палила, оглушенная стрессом, пока МК не задохнулся, пока не раздался звук холостой осечки.

Робот тяжело падал на землю. Что-то дымилось у него в груди, тлело, источало вонь. Я же, все еще обуреваемая ужасом, пыталась жать на застрявший курок. Спустя несколько секунд кое-как заставила себя разжать пальцы, отложить в сторону бесполезный теперь автомат. И упала на спину, как обесточенная морская звезда.

Я попала в них, я их убила. Это спасло мне жизнь.

Но капкан... Не такой большой, как на медведя, но достаточный, чтобы «откусить» полноги. От фатального шага в него меня уберегла случайность – корень на пути. Если бы пере-

лет на полной скорости, сейчас я держалась бы за штанину, за окровавленную культю. Больше ни грамма доброты к Ариду, хотя её и раньше не было. Возможно, капканы он расставлял для зверья, собирал потом добычу, не знаю... Но я материлась, как боцман, силясь оторвать железную пасть от зацепленной штанины. Выдрала с треском вместе с куском ткани.

«Прощай, одежда, запасной нет». Эта после вылазки практически негодная, вонючая и не подлежащая восстановлению. Дальше буду ходить в трусах. Отопнув стальную ловушку, я осмотрела кожу – раны на икре неглубокие, можно не перевязывать. Убраться с места боевых действий хотелось как можно скорее.

Наверное, было бы правильным открутить второй МК (магазин из него не вытащить), наверное, он был еще наполовину заряжен. Но мне подумалось, что глупо будет почить, если бот «оживет» хоть на пару секунд, если сомкнется на моем горле или локте его клешня. Вдруг повреждения выключили его систему временно, вдруг он сумел бы перезагрузиться и начать функционировать в ограниченном режиме? Проверять не хотелось.

Теперь вперед я бежала. Из оружия только нож; под ноги смотрела на автомате, надеялась, что безопасный фарватер все-таки безопасен, что Арид в этом не соврал.

«Как я могла пропустить приближение второго?» Хотя за что себя корить – «ББ» тоже умеют двигаться тихо.

Дальше, если верить компасу в часах, по прямой.

(Martin E. Insaugarat, Gabriel Saban – Thunderbolt)

Бегом, бегом, не останавливаясь. Если успею к трем – я уже не верила в хороший исход, но сдаваться не умела, – возможно, меня отпустят. Я уложила чертовых киборгов, я осталась живой. Теперь лишь бы попасть в коттедж до фатальных отметок на часах.

Трава, блики, хвоя, листья... Воздух янтарный, густой. Где-то трава выше, где-то земля голая. Хорошо, что бегала я часто, что мне не привыкать. Вперед, вперед, вперед... Даже пульс выровнялся.

Затормозила я перед неглубоким, но обширным оврагом. Если огибать, потеряю драгоценные минуты, если насквозь, то сначала с горы, потом в гору.

Я выбрала «насквозь».

Внизу что-то росло, и оно щипалось. Некое растение, укрывшее дно, – коричневатые колючие листья, толстые стволы. Пробираясь сквозь них оказалось сложнее, чем думалось об этом, стоя наверху. На боль я внимания не обращала, от появлявшихся на коже волдырей лишь морщилась. Вперед! Но плохо мне стало уже в начале подъема, начало частить сердце. Вот же невезуха: эта дрянь оказалась ядовитой. Карабкалась я, ощущая одышку и непривычную слабость в руках.

«Только не это», – молилась я неизвестно кому и просила собственное тело потерпеть. Вывести антителами заразу, восстановить сердечный ритм, вернуть рукам и ногам тонус. Но на обратной стороне и вовсе ощутила себя «куклой» – мягкой, неспособной ни шагать, ни стоять вертикально. Падала на землю, ощущая безнадегу и обреченность.

«Ну, так же нельзя...»

Щекой брякнулась о пыльную землю, неспособная ни двигаться, ни шевелиться.

Мир свернулся в точку.

Очнулась я со стоном – ломило виски. Перевернулась на спину, испытывая облегчение от того, что снова могу двигаться. И сразу ухнула в пучину отчаяния, потому что солнце перешло пик стояния. Зрение двоило, когда я пыталась сесть; раненая нога болела адски, лодыжка

отекла. Что бы ни росло в овраге, оно явилось союзником Ариду и врагом мне. Я потеряла время.

Уже понимая, что ни за что не вернусь в срок, все же поднялась на ноги, захромала вперед. Больше я ничего не хотела, кроме как добраться до матраса и распластаться на нем. Еще воды. И убить того, кого найду в доме. Если смогу отыскать в себе силы для броска ножа.

Дальше, мне показалось, был путь, состоящий из множества километров. Не радовала ни хорошая погода, ни лес вокруг – я устала от него. В какой-то момент показалась знакомая дорога, и ступать стало проще.

Еще немного...

И дом.

Я подобралась, войдя в ворота, как дикий пёс. Намеренно начала хромать сильнее, даже шататься – пусть хозяин думает, что воин ранен. И безопасен. Чуть отпустило виски, вернулись внимание, концентрация, хотя нога вопила болью. Наверное, хорошо, что я не с МК в руках, с ним бы я Арида в доме не нашла, тот подобрался бы ко мне из-за спины и перерезал глотку. Или отключил. Нож надежно и аккуратно спрятан в самодельной «кобуре» из штанины, которую пришлось продырявить еще в двух местах, прикрыт ладонью. То была самая короткая траектория его извлечения для броска, для которого мне понадобятся миллисекунды.

Стучать не пришлось, дверь из-за жары была открыта.

Он сидел в кресле с ноутбуком на коленях, и возникло ощущение, что меня не ждал. Или делал вид. Я оперлась на косяк со стоном, задышала шумно, сделала вид, что сейчас сползу.

– Помоги... Я ранена...

Любой бы на его месте помог, бросился бы вперед. Но не Арид. Тот лишь убрал с коленей ноутбук, переложил его на стол, и взгляд экс-командира сделался в разы острее, цепче. А мне нужно было, чтобы он бросился! Это его движение обеспечило бы мне нужную секунду отвлечения для броска, а так пришлось... Просто пришлось в атаку!

Я мастер метания ножей – и в этот раз не промахнулась бы тоже. Мне хватило и сил, и гнева, и точности. Любой другой человек, сидевший в кресле, оказался бы проткнут насквозь, но этот козел увернулся, и лезвие по самую рукоять застряло в обшивке спинки. Точно на том месте, где только что была мужская шея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.